

А. Т. Кривоносов

Слово и мысль

Вопросы взаимодействия
языка и мышления

А. Т. Кривоносов
Слово и мысль. Вопросы
взаимодействия
языка и мышления

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22971777
ISBN 9785448376498

Аннотация

Это научное исследование посвящено не только критическому анализу и осмыслению давно ставшей традиционной и широко дискутируемой теории «взаимоотношения языка и мышления», но и всех основных, связанных с нею, теоретических проблем языкознания.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Глава 1	14
О ПРИРОДЕ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА	15
§1. Четырёхуровневая структура языкового знака	15
I. Что такое языковой знак?	16
II. Модель языкового знака	28
III. Свойства языкового знака	62
1) Сущность знака – замещение другого предмета	62
2) Языковые знаки – продукт общественной практики человека	64
3) Различная материальная реализация знака	66
4) Различная протяжённость знака. Текст как расширенный знак	68
5) Не только материя знака, но и её идеальный образ в сознании – тоже знак	75
6) Языковой знак удобен для хранения и его передачи поколениям	82
7) Асимметрия в знаке между звуком и его ассоциативным	83
10) Языковой знак и мышление	92

§2. Фонема	103
1) Фонема – фундамент строения и функционирования языка	103
2) Фонема и мышление	109
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Слово и мысль

Вопросы взаимодействия языка и мышления

А. Т. Кривоносов

© А. Т. Кривоносов, 2017

ISBN 978-5-4483-7649-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Посвящаю моей жене Маине Кривоносовой (Троицкой),
сыну Борису, дочери Татьяне,
и внукам Andrew, Anthony, John и Nickolas*

Всё, что видим мы, – видимость только одна,
Далеко от поверхности моря до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей не видна.
(Омар Хайям)

Два мира есть у человека:
Один, который нас творил,
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил.
(Н. Заболоцкий)

Сущность языка – в той мере, в какой она вообще может открыться, – «открывается» не инструментальному, а философскому взгляду.

(Ю. Степанов)

Философия – это наука, показывающая мухе выход из мухоловки.

(Л. Витгенштейн)

Итог философии – обнаружение тех или иных несурязиц и тех шишек, которые набивает рассудок, наталкиваясь на границы языка. Именно эти шишки и позволяют нам оценить значимость философских открытий.

(Л. Витгенштейн)

Dixi et animam levavi. (Сказал, и облегчил душу).

(Античная мудрость)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Философское истолкование языка обычно вызывает у лингвистов некоторую настороженность и даже опаску. Поскольку лингвист плохо осведомлён в области философских идей, он склонен думать, что проблемы языка – это только чисто лингвистические проблемы о формах и отношениях в языке и философские проблемы, следовательно, не могут привлечь его внимание. Или, напротив, философа интересуют в языке главным образом такие явления, которые для эмпирического лингвиста не представляют никакого интереса. Нужно ещё добавить к этому – боязнь лингвистов к общим, философским обобщениям и, с другой стороны, нежелание логиков посмотреть, как логические формы мысли взаимодействуют в структурах естественного языка, из недр которого генетически вышла формальная логика.

Естественные языки – уникальное явление, в котором проявляются все стороны диалектики как философской науки. Подлинные философские сокровища, лежащие в тайниках языка, всё ещё остаются скрытыми, о которых мы имеем весьма смутные, разрозненные представления.

В книге я затрагиваю некоторые вопросы, никогда не бывшие в поле зрения лингвиста и не интересовавшие языковедов. Но коль скоро «язык» – это объект со многими связями, науками, значит, есть необходимость рассмотреть и это.

Отсюда – необычные проблемы, не совсем привычные для лингвиста. Своеобразие этой книги состоит в том, что она построена вокруг существующих в языкознании, психологии, логике, философии проблем, теорий, гипотез, **непосредственно** связанных с теорией языка. В книге намечены те основы, на которых должно строиться истинное теоретическое языкознание. Эта книга – переоценка пройденного пути в некоторых областях теоретического языкознания, попытка сбросить идеологическую шелуху с многих проблем теории языка.

Всякая теория, если она хочет быть теорией, должна знать, что было до неё и какие постулаты послужили её становлению. Лингвиста, так же, как и писателя, всегда поражало богатство его родного языка, имеющего в своём арсенале средства для выражения всех задуманных мыслей и идей. Но ещё больше их поражало то, что и другие, чужие языки – а им несть числа, – обладая, по крайней мере, некоторые из них, таким же, но совершенно особым, своим собственным богатством, также хорошо служат людям, говорящим на этих языках.

В связи с этим возникает много вопросов. А что значит «хорошо служить людям» – воспринимают ли они через свой язык тот же мир, что и другие люди, говорящие на других языках, или иной мир? Если тот же мир, то как разрешается противоречие между единством мира для людей всех наций и множеством национальных языков, как люди с раз-

ными языками обмениваются мнениями об одном и том же мире? Как же совместить единство мира и мышления для всех людей Земли, с одной стороны, с существованием множества совершенно разных языков, с другой стороны? Действительно ли люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают и отражают мир в своём сознании, как утверждают авторы некоторых теорий? В череде возможных вопросов, решающих проблему соотношения языка и мира, языка и мышления, одним из первых может быть вопрос: почему всё же существует множество языков, если мир един и физиологический механизм мышления и отражения мира в этом мышлении у всех людей тоже един? Где локализован этот «язык», или, например, где находится бесписьменный юкагирский язык, когда все юкагиры спят (число говорящих на этом языке – 250 человек)?

Проблема взаимодействия языка и мышления была и остаётся камнем преткновения для теоретического языкознания. На сегодняшний день теория языкознания не располагает достаточно убедительными сведениями о механизме взаимодействия между языком и мышлением: связь эта «неразрывна» в том смысле, что без мышления нет языка, а без языка нет мышления, или эта связь «разрывна» в том смысле, что или существуют какие-то фрагменты, аспекты мышления, не требующие языковой опоры, или существуют языковые конструкции, не несущие никакой мысли. Если утверждать первое, то мы должны признать, что не су-

существует отдельно мышления и отдельно языка, а существует некий нерасчленённый, сплавленный феномен «язык – мышление», в котором язык равен мышлению, а мышление – языку. Если утверждать второе, то мы должны признать, что некоторые фрагменты мышления осуществляются вне языковой опоры. И та, и другая точки зрения о взаимоотношении языка и мышления – а такие точки зрения существуют среди философов, психологов, лингвистов – ждут ещё своего изучения.

Познать тайны мозга с точки зрения языка – далеко не праздное любопытство. Эта проблема имеет огромное теоретическое значение для многих наук, и не в последнюю очередь для языкознания. Мы не располагаем однозначными сведениями о том, что такое язык на фоне мышления и что такое мышление на фоне языка. Лингвист тоже может, как и нейрофизиологи и нейропсихологи, изучать функциональную структуру мозга, но лишь с точки зрения употребления языковых структур. Языковед может ставить перед собой и такую цель: показать, какие структуры естественного языка находят своё отражение в логико-семантической структуре текста, как они привязаны к определённым структурам мыслительных процессов, к определённым формам мысли, а также исследовать взаимодействие между языком, действительностью, мышлением, сознанием, памятью, логикой, речью, текстом, т.е. «ничейную землю» на стыках между выше указанными областями, до сих пор остающуюся terra

incognita.

Эта книга посвящена не только критическому анализу и осмыслению давно ставшей традиционной и вечно дискутируемой теории «взаимоотношения языка и мышления», но и всех, связанных с нею, теоретических проблем языкознания.

Но книга не только об этом – внутри самой теории «взаимодействия языка и мышления» проблему природы языка, без выхода за её пределы, решить невозможно. Книга одновременно посвящена и другому вопросу, подрывающему основы сегодняшней теории «взаимоотношения языка и мышления», – обсуждению сущности *двухуровневого* процесса мышления, раскрывающейся в языке в форме взаимодействия семантических и логических форм мышления. В книге поставлено много проблем, некоторые из них рассматриваются здесь в разных разделах в силу того, что они касаются разных сторон теории языка. Некоторые проблемы освещены подробно, некоторые вскользь, в том числе из таких наук, по ведомству которых я не числюсь профессионалом. Тем не менее, я касаюсь этих проблем, потому что все они, как ручейки, текут в один океан, называемый «языком». Языкознание считают наукой по преимуществу и даже чисто эмпирической, гуманитарной или исторической. Такая точка зрения в лучшем случае является наивной. Если исследователь добросовестен и пытлив, он вынужден будет задуматься над общими проблемами языкознания. От теории

никуда не уйти ни одному лингвисту. Главное в книге – **диалектико-философские размышления** о том, что языка в принятом, обычном его понимании как нечто изолированного от мышления, не существует, и он должен быть передан в сферу мышления.

О мышлении как о нечто аморфном и расплывчатом, всегда описываемом лишь в туманных словах, лишь каким-то краем касающегося якобы независимого от мышления языка, который в то же время считается чем-то самостоятельным и даже влияющим на это мышление, пора забыть. Наш язык, во-первых, это внутримозговые процессы взаимодействия нейронных клеток, во – вторых – это материализованный, внешне выраженный процесс мышления с помощью материальных знаков. Это всегда **двухуровневый процесс мышления** в виде двух его абстрактных форм – семантической и логической. В том, что мы называем языком, отражено свойство как семантического, языкового, знакового, так и логического мышления.

При анализе какой-либо теории я затрагиваю не только вопросы этой теории, но и другие проблемы языка. Это неизбежно. Я пытаюсь каждую обсуждаемую здесь идею **поставить на ноги и найти ей место в системе** теоретических знаний о сущности языка. Это позволяет создать более или менее цельную картину по обсуждаемому вопросу и помогает в конечном счёте выйти на неизбежную для всех лингвистическую дорогу – понимания **природы языка**.

Опираясь на теории различных лингвистов, логиков, психологов, философов я подвожу читателя к главной цели моей книги – **к раскрытию сущности взаимодействия языка и мышления**. Теоретическим языкознанием наиболее успешно можно заниматься, **лишь усвоив основы** логики, психологии, философии, т.е. основы «нелингвистических» наук, но прежде всего и безусловно в области их *связей* с естественным языком. **Без этого нет теоретического языкознания**. Нельзя изучать язык как объект теоретического языкознания только в самом себе, не выходя за его границы, которые нам, собственно, ещё неизвестны.

1 сентября 2016 года

Нью-Йорк

Глава 1

О ПРИРОДЕ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

§1. Четырёхуровневая структура языкового знака

I. Что такое языковой знак?

От обывательского до научного понимания языкового знака – дистанция огромного размера. Понятие «знак» получило в языкознании широкое распространение: языкознание уже не может обойтись без этого термина. Но так как широкое распространение этого знака имеет и свою отрицательную сторону, ибо его использование по поводу и без повода вносит в это понятие известную путаницу, то понятие «знак» получило в языкознании некий обывательно-лингвистический налёт. Этот термин требует серьёзного, вдумчивого анализа, однако значение этого понятия толкуется каждым, как ему удобно, поэтому общую, обязательную теорию знака из этих рассуждений вывести невозможно.

Изучение знаковой теории языка является делом чрезвычайно сложным. Казалось бы, что может быть проще того, что слово есть знак? Однако знаковое понимание языка требует огромных усилий. Для выяснения сущности знака приходится входить в разные глубины теоретического языкознания, психологии, логики и философии. Знак – не пустая форма, он всегда наполнен содержанием.

Знак вещи всегда демонстрирует вещь, вырывает её из смутного потока действительности, освещает вещь, даёт знать о её реальном существовании. Если мы обозначили данную вещь, назвали её, то уже тем самым мы сделали её

предметом нашего ещё нерасчленённого ощущения и мышления. Если предмет никак не обозначен, то он для нас остаётся чем-то туманным, неясным, или как бы вообще не существующим. Знак вещи взывает к нам о существовании этой вещи, как бы повелительно требует её признания.

Язык – наивысшая форма способности человека, язык неотделим от сущности самого человека. Люди всегда воспевали могущество слова, языка, будто он создаёт реальность, отражает её, позволяет видеть то, чего нет, восстанавливает то, что исчезло. Нет силы, якобы, более высокой, чем слово, и всё могущество человека проистекает из слова. Благодаря языку возможен индивид, общество. Сознание ребёнка всегда пробуждается с овладения словом. Почему на языке основан человек и весь идеальный, второй мир, в голове человека? Потому что язык есть наивысшая форма способности человека, неотделимой от сущности самого человека, от его способности к символизации, т.е. представлять реальную действительность с помощью знаков, устанавливать отношения между вещами, между людьми.

Главное – материя знака? Нет, главное то, что она символизирует в мозгу человека – понятия, суждения. Но и эти последние не могут существовать ни без внутренней материи, живой материи мозга, ни без внешней мёртвой материи, материи знаков.

Что такое языковой знак и какова его роль в мышлении и познании мира? «Знак есть непосредственное созерцание,

представляющее совершенно другое содержание, чем то, которое оно имеет само по себе» [Гегель, 1956, т. 1:256]. Гегель, великий диалектик, отрицает сходство знака и изображаемого им предмета. «Знак отличен от символа, последний есть некоторое созерцание, собственная определённости которого по своей сущности и понятию является более или менее тем же самым содержанием, которое оно как символ выражает. Напротив, когда речь идёт о знаке как таковом, то собственное содержание созерцания и то, коего оно является знаком, не имеют между собою ничего общего» [Гегель, т. 3: 265 – 266].

Как пишет Гегель, внутри знака как материи мы не найдём значения, как мы не увидим стоимости в «теле» товара. Не найдём значения и вне знака. Значение – не субстанция, а функция знака, имеет цель нести информацию о другом, отличном от него самого. Знак относит к чему-то другому, отличного от него самого. Предмет (в данном случае звук, буква, слово, – А.К.) в роли знака уничтожает своё «наличное бытие» и «даёт ему в качестве его значения и его души другое содержание» [Гегель, 1956, т. 3:266]. Само бытие знака – это «бытие для другого» и, овладевая знаком, мы овладеваем другим предметным содержанием, которое не является, однако, её собственной сущностью и к которому эта вещь относится, как чуждая. Но, кроме того, она обладает также своим собственным значением, которое не связано с природой самого предмета, обозначенного этой ве-

щью. Таким образом, обозначение – произвольно. Знаком чего должна быть вещь – это в большей или меньшей мере дело соглашения (Konvenienz) ” [Гегель, 1973:40]. «Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с её природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом. Точно так же и в денежных названиях – фунт, талер, франк, дукат и т. д. – изглаживается всякий след отношения стоимости» [Маркс, Энгельс, т. 23:110].

Между знаком и обозначаемым нет и не может быть никакой иной связи, кроме знаковой, всякая иная связь исключается, и это-то и конституирует знаковую функцию. Иначе между знаками не было бы свободной обмениваемости. Отсутствие всякой мотивированности есть железный признак знаков. Знаковая функция и есть образование связи между двумя материальными явлениями, не имеющими между собой никакой связи. Человеческие языковые знаки – это антагонисты тем, какие воспринимаются или подаются животными. Знаки языка взаимозаменяемы, замещают друг друга, подменяют один другого. У животного не может быть двух разных звуков для одного и того же состояния. Языковой знак имеет эквивалент, однозначную замену, нет такого слова, которое нельзя было бы передать другими словами. Только благодаря отсутствию сходства и их причастности к изображаемым предметам они вступают в связи, отношения, операции между собой. Знак есть сигнал, но лишь

функционирующий в обществе, связанный с системой социально выработанных значений. Знак обладает особым свойством приписываемой ему идеальной формы, но хранящейся не в самом знаке, а в мозгу. Эта идеальная форма для человека есть универсальное средство аккумуляции всего многообразия содержания мира, духовной культуры.

Чем отличается «знак» как материя от других материальных вещей? Он обладает особым свойством своей, приписываемой ему условной «идеальной формы», но хранящейся не в самом знаке, а в мозгу, и эта «идеальная форма» для человека есть универсальное средство аккумуляции всего многообразия содержания мира, духовной культуры, которая в психике человека отчуждена от материальной действительности и как бы представляет для человека вторую реальную действительность.

В знаковой деятельности мы оперируем лишь чувственно воспринимаемыми предметами вместо других. Это есть деятельность, целью которой является овладение другими вещами. Языковые средства служат заместителями объектов. Обозначая предметы с помощью словесных знаков, мы их делаем информативными и превращаем в средства коммуникации. Языковые знаки – фактор идеализации внешнепредметных операций, превращение их из материальных в идеальные действия, позволяющие схватывать объективное содержание, отражать внешний мир и служить средством организации своего и чужого поведения.

Обозначение предметов с помощью знаков приводит к тому, что внешепредметная деятельность свёртывается, превращается в знаковую. Знак – не просто вещь, а определённое общественное отношение, скрытое под внешней материальной оболочкой. Знак вообще есть общественное отношение, связь людей через посредство знания, которое условно за знаком закрепляется и носителем которого он является. Возникнув в ходе трудовой деятельности как механизм регуляции поведения, знаковые системы с течением времени обособляются от непосредственного трудового процесса, служа в форме теоретической деятельности задачам познания внешнего мира.

Природа языкового знака есть исходный пункт лингвистического объекта вообще, т.е. того, что мы всегда называем «языком». Проблема природы языкового знака перерастает в природу самого объекта лингвистического анализа, основу всего теоретического языкознания. Знак и знаковая природа языка, как пишут некоторые лингвисты, – это та роза в лингвистическом цветнике, на которой больше всего шипов. Выбор знака не основан на разумной норме, языковой знак произволен, немотивирован. Следствия этого определения неисчерпаемы, они подчиняют себе всю лингвистику.

В возникновении и развитии сознания человека знаки сыграли выдающуюся роль очеловечения актов сознания. Когда зачатки осознанного поведения соединились с мыс-

лю при помощи знаков, то это обогатило мысли, его формы, структуру процесса мышления. Знаки позволили обобщать чувственные отображения и строить на их базе отображения логические. Знаки влияют на сознание путём обогащения нервно-мозговых связей, но и сознание влияет на знаки через появления новых знаков. Развитие и деятельность сознания – главное условие, вызвавшее перемены в системе знаков (в лексико-семантической системе языка), под влиянием общества. Но все эти обогащения, взаимовлияния в знаковой системе и, следовательно, в системе семантических значений, а значит и в системе логических понятий, происходит только через деятельность сознания. Сознание готовит понятия для их объективации внутри процесса мышления и правила их реализации вовне мозга.

Развитие сознания человека заложено в его физиологическом устройстве, во врождённой, данной от природы способности к овладению языком. Без знаков человек остался бы дикарём. Нельзя без знаков, слов общаться, овладевать сокровищницей человеческих знаний. Только языковой знак, звуковое и графическое его изображение есть главнейший в мире *monumentum aere perennius* («вечный памятник»), только знак лежит в основе становления человека и прогресса.

Итак, знак – это заместитель. Но сразу же возникает вопрос: благодаря каким свойствам он – заместитель, и как он осуществляет такое замещение? Всегда возможна двой-

ственная трактовка сути знака. Первая функция – это нечто для себя, вторая – нечто для другого. Любой конкретный предмет функционирует только как предмет, как предмет в себе и для самого себя, языковой же знак функционирует как знак только для другого, благодаря абстрактным моментам, живущим в сознании, и в тесном взаимодействии с предметами, ассоциативно связанными с ними в мозгу. Это различие в знаке есть основное, философское различие между материальным и идеальным, более конкретно – между фонетикой и фонологией, между звуком (буквой) и фонемой (графемой).

Человек отличается от животных тем, что он живёт не инстинктами, а разумом. Но разум скрыт за толщей телесной оболочки. Поэтому человек должен иметь что-то, какое-то интеллектуальное средство. Для познания и общения нужен знак, который был бы одновременно чувственной и рациональной, абстрактной природы. Таким свойством обладает языковой знак, способный что-то означать, сообщать, но только в сознании по ассоциативной связи с реальным внешним предметом, и только потому, что эта ассоциативная связь локализована в мозгу. Знак – это способ теоретического освоения мира. В знаке *дерево* нет указаний на реальный экземпляр класса *деревьев*, он не связан с конкретным *деревом*. Но этот внешний материальный знак удерживает в мозгу все существенные признаки всех *деревьев* мира. Поэтому знак есть представитель, имя, вобравшее в себя все

существенные признаки всех *деревьев*, т.е. он выступает как познавательный представитель единичного предмета *дерево* и как отчуждённая форма всех реальных *деревьев*.

Языковое сознание человека как отражение структуры мира не могло возникнуть без материи знаков. Прежде чем появиться, сознание прошло через психические и логические формы знака, превратившись в фонемы и понятия. Сознание, наука невозможны без понятий, которые приводят мир в определённую систему. Ведь количество предметов и их признаков неисчислимо, и они требуют обобщения под одним знаком нескольких понятий, число которых не может быть замкнутым целым. Сознание человека, наука дробят мир, чтобы снова сложить его в стройную систему понятий.

Знак вещи всегда демонстрирует эту вещь, вырывает её из смутного и непознаваемого потока действительности. Если мы обозначили данную вещь и назвали данную вещь, то уже тем самым мы сделали её предметом нашего ясного и расчленённого сознания, ощущения, мышления. Если предмет не обозначен, он для нас остаётся чем-то туманным, расплывчатым, неясным и даже как бы несуществующим. Знак вещи или предмета вызывает к нам о существовании этих вещей и предметов, повелительно требуя их признания. Переход чувственного образа предмета в логическое понятие об этом предмете, как высшей человеческой формы мысли, может совершаться только посредством знака языка, слова. Но сама материя слова, будучи произвольной, не со-

здаёт понятия из чувственного образа. Это – обязанность мышления, работы нейронной системы.

Человек может судить о своих, но главным образом о чужих внутренних процессах не иначе, как только через знак и выносить продукцию этих умственных процессов мозга за его пределы только через знак. Другим способом обнаружить эти процессы невозможно, только так можно объективировать словом внутреннее душевное состояние человека. Через знаки человек объективирует свою мысль и тем самым имеет возможность задерживать свою мысль в мозгу и подвергать её обработке. Знаки – это орудия для совершенствования, оттачивания мысли, ставшие как бы внешним предметом по отношению к мысли. Объективируя мысль в слове, человек как бы смотрит на свою мысль (в тексте) или слушает свою мысль (в устной речи). В слове не заключена сама мысль, а только её идеальный отпечаток, который находится в сознании по ассоциативной связи с материей знака. Материализация мысли вовне есть также акт самопонимания.

Что является в знаке первичным – его физическая субстанция или его идеальная структура, образ? Основная сущность материального знака – его материальный характер. А идеальные образы знаков в сознании говорящих являются лишь обычными психическими отражениями материального звучания и произношения, постоянно воспроизводимых. Если бы знак не существовал в материальной субстанции, никакой идеальный образ этого знака был бы невозможен.

Языковой знак – это природная материя, но такая, которая связана не только с чувственным мышлением – ощущением, восприятием, представлением, но, главным образом, с абстрактными формами мышления – с фонемами, понятиями, суждениями, умозаключениями. Знак – это материя, принявшая форму своего идеального образа. Знак – это естественная материя, идеальные следы которой ассоциативно отложились в нейронной системе мозга. Естественно, никакая внешняя материя не может быть втиснута в мозг, материя вводится в мозг только в виде её абстрактного, идеального образа, понятия, которое, однако, не есть принадлежность самого знака, а собственность мозга. Поэтому всякие рассуждения о том, что язык имеет значения, что язык связан с миром непосредственно и отражает этот мир, что язык выражает мысли – это бабушкины сказки. Происходит лишь перевод материального мира в идеальный, психический, следовательно, логический мир, в систему логических форм, творимых мышлением. При реальной коммуникации абстракция должна быть овеществлена, символизирована, реализована посредством какого-либо знака.

Язык отличается от других социальных установлений своей знаковой природой, а от других типов социальных знаков – спецификой своей структуры. Знаки языка в качестве материальных заместителей абстракций и эмоций в мозгу – это знаки сложных психофизиологических процессов мозга. Материальная характеристика знака приобретает соци-

альную характеристику. Возникает важнейшая проблема отношения между знаком, и мыслью, т.е. языком и мышлением, как психическими ассоциативными отпечатками материи знаков в сознании, между материей знака и абстракцией, значением, семантикой и, главным образом, – между чувственным и абстрактным мышлением, их взаимопереходом.

II. Модель языкового знака

Главное в языкознании, как и в любой другой науке, поиск его аксиом, мельчайших строительных кирпичиков для построения всей теории языкознания. Аксиома – это простое и самоочевидное суждение, не требующее для себя никаких доказательств, и, наоборот, само лежащее в основе всяких доказательств в определённой области знания. Такая аксиоматика необходима и лежит в основе любой науки, она возможна и в языкознании. Знаковая аксиоматика в виде моделей данной науки должна начинаться с чего-то первичного в логическом смысле, не требующая никаких доказательств.

Модели присутствуют во всём, везде, всегда. Например, вода является водой, т.е. самой собой, но это значит, что она есть модель или копия той основной модели, которая зафиксирована в химической формуле воды. Всякий знак есть тоже модель определённой предметности. Без обозначения вещи каким-либо знаком мы бы не только не знали о её свойствах, но не знали бы даже о её существовании. Модель сама по себе должна быть совершенно прозрачной. Только при этом условии имеет смысл сопоставлять её со структурой или с поведением объясняемого ею объекта. Вне своей объяснительной функции модель не имеет ценности.

Язык состоит из звуков, указывающих на разные предметы, которые он обозначает. Что общего между звуками и са-

мими этими вещами? Звуки речи – акустически – артикуляционное явление. А что акустического в предмете, обозначаемым этими звуками и этой артикуляцией? В каждой языковой единице (морфеме, слове и т.д.) содержатся эти два, не сводимых один к другому смысловых плана – материальный и идеальный. Без этой двухплановости не существует языка. В знаковой ситуации материя слова не может просто указывать на предмет. В этом случае устраняется идеальное как результат отражательной деятельности мышления. Изымается и человек как субъект познавательной деятельности. Теряется различие между материей знака и объектом познания.

Звуковая материя, взятая вне установленного мыслящим субъектом отношения к другим явлениям, есть лишь природная материя. Звуки животных, природы и звуки человека, не соотнесённые им с какими-либо вещами, – одной природы. Эта звуковая материя существует вне сознания человека. Эта звуковая материя существует вне сознания человека, но, чтобы стать знаком, языком, она предполагает присутствие мыслящего человека, который устанавливает связь между двумя явлениями. Если допустить, что материальный знак отражает мир, то это уже не знак, не посредник между мышлением и миром, а сама материя знака выступает в функции мыслящего мозга. Материя знака есть лишь *условие* осуществления и существования обобщающего образа реального предмета, возникающего в нейронной мате-

рии мозга.

Звук, знак, материя – это область чувственного мышления. А может ли человек непосредственно, своим мозгом, воспринимать материю знака в виде её физического звучания или написания? Нет, только через абстрактные образы своего чувственного восприятия мира, как мышлением второго уровня или второй фазы человеческого мышления, основанной на первом, материальном уровне. Человек воспринимает материю предмета так же, как и животное, через своё чувственное мышление. Но мышление животного на этом и останавливается – оно не переходит в идеальную фазу, хотя уже и существует, но лишь в зачаточной форме. Но для животного этот чувственный предмет – не знак. Если человек в материи знака, слова видит знак, значит он «увидел» в нём идеально представленный знак (фонему, графему) и реальный предмет в виде его логического понятия. Следовательно, материя знака должна быть преобразована, подогнана под идеальное, а это значит, что звук, буква должны быть преобразованы в фонемы, графемы, морфонемы, понятия.

Проблема знака сосредоточена в знаковой ситуации вокруг трёх понятий: звук – смысл – предмет, и вокруг их взаимоотношений. Вне материи нет знака, но материя становится знаком, если она идеально представлена в мозгу человека и ассоциативно соотнесена с каким-либо внешним предметом. Тем самым у кусочка материи появляется идеальный образ, «значение», но оно не в материи знака, а в моз-

гу. Следовательно, при рассмотрении сущности языкового знака нас ждёт взаимоотношение следующих его аспектов: (1) физическая субстанция знака; (2) психическое представление об этой субстанции (фонемы или графемы) в сознании; (3) знаковая, абстрактная функция отражаемых этими знаками реальных предметов в сознании (понятия); (4) роль и место самих реальных, познаваемых явлений в знаковой теории языка.

В мозгу, в абстрактном мышлении человека соединяются две идеальные сущности – от материи знака (фонемы или графемы) (2) и от материи отражаемой вещи, обозначаемой этим знаком (понятие) (3), т.е. в сознании человека, в его абстрактном или логическом мышлении заложены два идеальных, логических образа как идеальные эквиваленты двух материальных вещей (от знака – это фонема, от предмета – это понятие).

Так как мышление человека функционирует на двух уровнях – чувственном и абстрактном, и так как знаки языка проходят через обе эти фазы мышления, то фактически в мышлении объединены четыре сущности – две материальные, вещественные и две идеальные, абстрактные, потому что знак и внешний предмет одновременно и материальны, и идеальны. Вот эти четыре уровня: (1) звуки, буквы как физическая материя (уровень чувственного мышления); (2) идеальное от материи знака (фонемы, графемы); (3) идеальный образ от отражаемого реального материального внешнего предме-

та (4). Идеальное от материи знака (2) совпадает с идеальным от материи внешнего предмета (3), например, идеальная форма цепочки фонем *дерево* (2) совпадает с понятием предмета дерево (3), но только по названию, а не по их сущности – слово *дерево* не есть само дерево. Связь в мышлении происходит только между двумя абстрактными, идеальными, логическими образами (от знака и от предмета) на уровне абстрактного, логического мышления как переход с уровня (2) на уровень (3). На уровне же чувственного мышления мы видим, ощущаем, воспринимаем только физическую реальность – звуки и буквы слова (1) и реальный внешний предмет *дерево* (4). В мозгу они соединяются ассоциативной логической связью как переход с уровня фонем (2) на уровень понятий (3).

Итак, языковой знак четырёхсторонен, четырёхфункционален, и только в таком виде он есть истинный языковой знак, и только в таком виде он существует в мышлении. Хотя практически это никто не ощущает и ощущать не может: это внутренняя, тайная, стихийная работа нашего сознания. Но по-другому эта структура знака и не может существовать. Это можно проверить на самом себе – может ли хоть одно из четырёх звеньев отсутствовать в структуре знака, когда человек пользуется языком в любой его форме (устной или письменной)?

Человек выполняет программу своих действий с реальными вещами заочно, не совершая никаких непосредствен-

ных материальных действий или манипуляций с этими вещами и не производя какие-то изменения в самих вещах, а производит лишь мыслительные операции. Это возможно потому, что идеальные образы реальных предметов объективируются во внешней материальной форме, опредмечиваются в материальных знаках. Специфика знаковой деятельности состоит в том, что мы будто оперируем, как кажется на первый взгляд, лишь чувственно воспринимаемыми предметами (материальными знаками – звуками, буквами в слове *дерево*) вместо других реальных предметов (деревьев). На самом же деле мы оперируем **идеальными** и образами как тех, так и других в виде их **логических** форм – первых в виде фонем и графем, вторых – в виде логических понятий. Это тоже предметная деятельность, но деятельность, ориентированная на мысленное овладение другими вещами, имеющая цель оперировать предметами вне самих непосредственно присутствующих, видимых, слышимых, ощущаемых, осязаемых предметов.

Языковые знаки служат заместителями объектов, к которым знаки отсылают. Лишь обозначая предмет с помощью словесных знаков, субъект делает их информативными и превращает в средства мышления, познания, коммуникации. Выполняя указанные функции, языковые знаки и выступают в качестве фактора идеализации внешних предметных операций, превращая их из материальных в идеальные операции, позволяющие схватывать объективное содержа-

ние, обобщённо, идеально отражать внешний мир и служить средством организации своего и чужого мышления и коммуникации.

Обозначение предметов с помощью знаков, а их отношений – в виде грамматических знаковых систем и структур, которые тоже суть логические фонемы и графемы, – приводит к тому, что внешняя предметная деятельность свёртывается, превращаясь в знаковую. Знак не просто вещь, а определённое общественное отношение, скрытое под вещной оболочкой. Знак вообще есть общественное отношение, связь людей через посредство знания. Знаки – это не просто вещь, а средство знания, которое за знаком ассоциативно закрепляется в мозгу человека, носителем которого он является. Но знаки обособляются от реального процесса материальной деятельности человека и становятся формой его теоретической деятельности и коммуникации.

Таким образом, к сущностной характеристике знака надо отнести два его величайшие достоинства. Первое из них: ни его **материальная субстанция** (звуки, буквы), ни **сущность** обозначаемого ею предмета, представленной в её **семантике**, т.е. в **логическом понятии** (*дерево*), **не имеют ничего общего с предметом, на который они направлены**. И то, и другое, т.е. и имя знака, и имя предмета имеют знаковый характер, условны, идеальны, перенесены в мозг и преобразованы в нём из материального мира. Или, как говорил Маркс: «Идеальное есть не что иное, как материаль-

ное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». Второе достоинство знака: он создаёт условия **свободного обмена мыслями**, которые **не связаны** органически и необходимо с предметами, на которые материальный знак указывает, будучи представленным в мозгу идеально. Невозможно себе представить речь, в которой каждое слово «тащило» бы за собой, кроме указания на сам предмет, ещё и на все его качества, свойства, функции, которыми обладает данный предмет (а такая «научная» точка зрения существует в марксистском языкознании). И материя знака, и материальный предмет входят в мозг человека и продуцируются в нём на выходе в преобразованном виде, только в **идеализированной, логической** форме – звуки как фонемы, буквы как графемы, а предметы и вещи – как логические понятия.

В этом вся суть знаковости языка. И материя знака, и материальный предмет представлены прежде на уровне чувственного мышления, физической материей. И только в мозгу они становятся идеальными, представленными как логические формы. Нет никакой разницы между материальной формой знака (звуком, буквой) как его идеальной формой в мозгу (фонемой и графемой) и названием материального предмета как его логической формой (понятием). Это одно и то же, но одно и то же только по их **названию, а не по их сущности** и отражено в модели знака как (2) -> (3). Различие между ними состоит лишь в том, что в первом случае

мы имеем дело с мельчайшей логической формой – фонемой или графемой от материи знака (в модели знака это – 2), в другом случае мы имеем дело с более высокой логической формой – понятием о реальном внешнем предмете (в модели знака это – 3).

Идеального в материи знака с самого начала нет, это обычная природная материя, которая преобразуется в идеальное только в мозгу человека и остаётся там на всю жизнь. Как только мы, вооружённые этой же знаковой системой, увидели, услышали и поняли, какая идея скрывается за этой материей, мы тотчас же поняли и эту **материю как знак**, но как знак только для нас, владеющих этой же знаковой системой. Материальное в знаке только кажется материальным этого знака (хотя на самом деле оно и есть материальное, его можно исследовать инструментально, опытным путём, и без физической материи язык невозможен), на самом же деле оно с самого начала идеальное **только** для человека, владеющего данным языком. Для человека, не знающего данного языка, любое слово – лишь природная материя, а для **знающего этот язык** каждое слово соотносит идеальное, логическое понятие, выраженное в этом слове, с определённым внешним предметом, т.е. переходит с абстрактного на уровень чувственного мышления.

Все знаки языка отпечатаны в качестве идеального отражения мира только в языковом сознании человека, знающего этот язык. Языковой знак выполняет знаковую функцию

лишь потому, что он выступает в этой роли для **субъекта, обладающего мышлением**, и для **субъекта, владеющего системой данного языка**, а вне человека нет знака – это лишь материя. Система идеальных сторон языковых единиц локализована в материи мозга человека, а вне мозга эта система материализуется как система слышимых и видимых знаков и в этой, уже материализованной форме, знаки выступают как идеальное значение, ассоциативно отпечатанное в сознании.

Что общего между знаками (звуками, буквами) *корова* и реальными *коровами*? И те, и другие материальны, но чтобы те и другие отражались в мозгу, они должны быть преобразованы в их идеальные двойники. В то же время между знаками и внешними предметами существует различие: количество знаков ограничено в каждом языке, тогда как реальных предметов – безграничное множество. Это является следствием того, что языковые знаки условны, произвольны, не мотивированы, и они могут беспрепятственно обозначать любые предметы, синонимично заменяя друг друга. С этим связано также то, что знаки функционируют только в структурных, грамматических связях друг с другом.

Итак, языковой знак – четырёхфункционален. Что это значит? Когда человек данного языкового коллектива слышит (видит) знакомое ему слово, он слышит (видит), прежде всего, физическую материю знака. Почему оно ему знакомо? Ведь один и тот же звук, одно и то же слово могут быть про-

изнесены говорящим и пишущим на тысячи ладов, в зависимости от обстоятельств, от его интеллекта, ситуации общения и т.д., и тем более – разными людьми. То же самое происходит и с графическими знаками – невозможно встретить несколько совершенно одинаковых почерков. Но слушатель (читатель), тем не менее, узнаёт в разных, несколько отличающихся друг от друга звуках, буквах нечто постоянное, знакомое ему. Он узнаёт звуки и буквы не потому, что они в их материальной субстанции находятся у него в голове: реальную материю невозможно вложить в мозг, в том числе и потому, что мозг скрыт в черепной коробке. Звуки и буквы говорящего и пишущего превращаются в мозгу реципиента в их абстрактные двойники, идеальные, логические образы самого низкого уровня – фонемы, графемы, и более высокого уровня – понятия, суждения, умозаключения. Следовательно, природная материя языкового звука и языковой буквы – двухфункциональна: они и материальны, и идеальны. Но только для человека, в мозгу которого эти стороны знака связаны воедино как материальное в одновременно как его идеальное, и в мозгу которого это идеальное несёт какую-то идеальную, логическую информацию, т.е. является абстрактной, логической стороной данного знака, одним из понятий знакомого ему языка.

Итак, мы имеем дело с **четырёхуровневой** структурой модели языкового знака, состоящей из двух крайних, стоящих в начале и в конце модели, материальных объектов – (1)

материи знака и (4) материи предмета, между которыми располагаются два их идеальных, абстрактных образа: (2) идеальный образ знака (фонема, графема) и (3) идеальный образ предмета (понятие). Модель знака предстаёт перед нами как четырёхуровневая материально-идеальная сущность. Все четыре уровня или элементы знака теснейшим образом, условно, по договору внутри общества, связаны между собою и предполагают друг друга. Знак – это диалектическое взаимодействие двух реальных, материальных объектов (знака – 1 и предмета – 4) и двух идеальных, логических образов этих объектов (фонемы – 2 и понятия – 3). Например, материальное слово *дерево* становится знаком для материального предмета *дерево* лишь тогда, 1) когда оно поступает в мозг в виде абстрактного, психического, т.е. логического образа – **цепочки фонем**, 2) когда оно обозначает реальный или мнимый предмет в виде его абстрактного, психического, логического образа – *понятия*. Понимание знака как четырёхфункциональной модели процесса человеческого познания и общения говорящего и слушающего, пишущего и читающего, и есть **основной принцип теоретического языкознания** и философии языка. Вот так, примерно, можно представить четырёхуровневую модель языкового знака:

Как показано на схеме, обе идеальные стороны языкового знака, т.е. (2) – » (3) в равной мере психичны. Это члены ассоциативной пары, оба идеальные ингредиенты и знака, и внешнего предмета, но они органически не связаны, они независимы друг от друга, и связаны условно, по договору. Но став знаком как свободно объединённые логические элементы, они нерасторжимы для всех говорящих на данном языке, в данную эпоху. Если данное слово называется «языковым знаком», то только потому, что в него ассоциативно включен идеальный образ данного звука или буквы (фонема) и идеальный образ данного конкретного предмета (понятие), хранящихся в мышлении. Поэтому термин «языковой знак» в реальности есть не что иное, как нечто целое, так как в него, в его материю ассоциативно, условно включено идеальное от материального знака и идеальное от внешнего материального предмета, но и то идеальное, и другое идеальное живут в мозгу. Связь между двумя идеальными, т.е. между (2) и (3) в модели знака, установленная по ассоциации

одного с другим, неизбежна, она установлена общественным договором исторически. Такое понимание языкового знака объемлет в себе всю философию языка.

Значит, между знаком (*дерево*) и реальным предметом (*дерево*) стоят два идеальных понятия: идеальное от материи знака (цепочка фонем, графем *дерево*) и идеальное от реального предмета (понятие *дерево*). В процесс познания и общения с помощью языковых знаков включена, таким образом, цепочка, состоящая из двух реальных, физических, материальных предметов (слово *дерево* и реальное *дерево*) – в модели знака это уровни (1) и (4) как две крайние, чувственные формы мысли – и из двух идеальных образов (цепочки фонем *дерево* и понятия *дерево*) – в модели знака уровни (2) и (3) как две условно между собою связанные, промежуточные, абстрактные формы мысли. Четырёхуровневая структура языкового знака должна пониматься так: (1) материальные звуки, буквы как объект чувственного мышления преобразуются в их идеальный образ в голове слушающего, читающего, т.е. в фонемы как объект абстрактного мышления – » (2), ассоциативно рождающие идеальный образ реального внешнего предмета, т.е. понятие как объект абстрактного мышления – » (3), которое, как идеальное, переносится на реальный, материальный предмет как объект чувственного мышления, т.е. в виде ощущения, восприятия, представления – » (4).

В модели знака все четыре уровня взаимодействуют, и все

вместе, и по отдельным парам, как (1 – » 2) и как (3 – » 4). Я эти пары выделяю не случайно, потому что они отражают основной закон диалектики о взаимодействии материального и идеального. Переход (1—«2) означает переход от чувственного мышления к абстрактному, от материального к идеальному, а переход (3 – » 4) означает обратный переход от абстрактного к чувственному, от идеального к материальному. Например, материя знака (звук, буква), если это знак понимаемого мною языка, то он обязательно имеет свой идеальный образ в моём мозгу (1 – » 2), т.е. материальное переходит в идеальное (фонема). Взаимодействие уровней (3 – » 4) означает, что идеальный образ реального предмета как абстрактное мышление (понятие) переходит в реальное ощущение, восприятие или представление об этом предмете, как уровня чувственного мышления. Взаимодействие уровней (2 – » 3) означает, что идеальный образ материального знака (фонема) условно, по общественному договору становится одновременно идеальным образом (понятием) реального предмета. Это значит, что условный знак *дерево* (устный или письменный) есть **по названию**, только **по имени**, **но не по его сущности** то же самое, что и условное идеальное понятие *дерева*, растущего у меня за оном.

Но хочу подчеркнуть один важный момент, который извращён, в основном, в «марксистском языкознании»: будто знак связан органически с предметом и подобен ему. Хотя условный языковой знак *дерево* (1) есть то же, что и название

реального предмета *дерево*, однако это последнее, т.е. название предмета *дерево*, есть лишь знак *дерево*, его название, но не само *дерево*, поэтому оно не отражает сущность реального *дерева*, а есть лишь условный указатель на данный предмет – *дерево* (4). Материя языкового знака и материя реального предмета – одно и то же по названию, а не по сущности. Сущность же реального *дерева* изучают естественные науки, но только не языкознание.

Идеальное значение, т.е. понятие, находится не внутри материального знака, он лишь указывает своей материей на ассоциативную связь с идеальным образом в мозгу. Для того чтобы существовало идеальное, понятие, необходима его материальная, знаковая основа, носитель, а также присутствие человека, воспринимающего знак, интерпретатор знака, который интерпретирует эту идеальную ассоциацию со своим собственным пониманием этого значения. Идея, логическое понятие предмета находится в голове человека. Но и понятие материи знака, т.е. идеальный образ знака, фонемы – тоже в мозгу человека. Это одно и то же, но только по названию, а не в действительности. Далее, при переходе абстрактного, логического мышления (понятия) в чувственный образ реального предмета (*дерево*), мы видим его или в нашем представлении, или воочию, выглянув из окна.

Так как языковой знак имеет четыре различных функции: материя знака вне мозга; её идеальный образ в мозгу (фонема); идеальный образ реального предмета в мозгу (понятие);

материя внешнего предмета вне мозга (1 – » 2 – » 3 – » 4), то модель языкового знака можно представить как её четырёхфункциональную сущность. Языковой знак и материален (вне мозга), и идеален (в мозгу). Внешний предмет, от которого ассоциативно, условно образован знак, тоже и материален (вне мозга), и идеален (в мозгу). Логическое понятие, как уровень абстрактного мышления, переходит на уровень чувственного мышления, т.е. к чувственному восприятию этого предмета, или воочию или в виде представления о нём. Обратный процесс: это переход от чувственного к абстрактному, логическому образу.

Знак – это комбинация логического образа реального предмета (понятия), т.е. понятия (3) от реального предмета (4) и акустического логического образа, фонем, графем (2) от материи знака (1), и эта связь произвольна. Следовательно, знак произволен в целом, т.е. между звуком и реальным предметом нет никакого подобия. Например, знак *берёза* отражен в мозгу и как цепочка фонем, и как понятие. Звуки лишь условно указывают на понятие *берёза*. Следовательно, и само абстрактное понятие *берёза* от реального предмета *берёза* – условно. Материя слова – это произвольный знак, так как он не связан органически с понятием об этом объекте, которое, в свою очередь, тоже есть условный знак, ибо и оно, это понятие не связано с реальным предметом ничем, кроме условной, немотивированной связи.

Итак, идеальным свойством обладает не только материя

языкового знака в виде цепочки фонем, но и сам материальный предмет внешнего мира в виде понятия. То же самое обязательно и в обратном направлении: от идеального в предмете к идеальному в знаке, обозначающему этот предмет. Между языковым знаком и внешним предметом, повторяю, существует четыре функциональных отношения: материя знака (1) – » переходит в её идеальный образ (фонемы) (2), – » они переходят в идеальный образ внешнего предмета (понятие) (3), – » которое по ассоциации связано условной связью с материальным объектом (4). Идеальное в знаке (фонемы) и идеальное в предмете (понятие) – одно и то же идеальное. Но в знаке оно отражает условно выбранную материю знака, а в реальном предмете оно отражает условно выбранное имя внешнего предмета, которое есть тот же знак.

Поэтому мы можем здесь раскрыть сущность старой байки «марксистского языкознания», основной марксистский постулат которого гласит, что «язык неразрывно связан с мышлением», «слова отражают то, что они обозначают», «между логическими понятиями с самими материальными объектами существует неразрывная и органическая связь», «название вещи отражает сущность самой вещи». Однако связь эта – не необходимая, не безусловная, не органическая, а абсолютно произвольная и абсолютно условная и немотивированная.

Легко обнаружить, почему все мы так уверенно и совершенно ошибочно объясняем связь между материей знака

и реальным предметом как связь непосредственную, прямую, органическую, без всяких промежуточных звеньев. Как совместить, связать физическую субстанцию знака (звук, букву) (1) с физической субстанцией реального предмета (4)? Они лишь по названию одинаковы, но совершенно различны по своей физической субстанции и, следовательно, по своей сущности и функции в знаке? Идеальное в обоих случаях – одно и то же. Но ведь материально, вещественно это разные объекты, с одной стороны, это звуки, буквы *лошадь*, с другой стороны – реальное животное *лошадь*. Этот парадокс поставил марксистское языкознание в тупик, из которого они так и не вышли, полагая, что слова отражают сущность вещей и язык, следовательно, есть орган мышления и познания.

Если идеальные образы (2) и (3) знака *лошадь* и предмета *лошадь* совпадают, то должны совпадать и реальные звуки, буквы с реальным названием *животного*. Если идеальное в (2) и (3) совпадает, то это значит, что идеальное от названия, т.е. знака *лошадь* и от названия реальной *лошади* – одно и то же. Да, идеальное и там, и тут – одно и то же, но материальное в них – различно. И совпадают они лишь потому, что и знак, и предмет имеют одно и то же название. Совпадают только потому, что знаки – условны, не отражают сущности реальных предметов, любой предмет может быть обозначен любым условным словом, хотя некоторые лингвисты уверены в том, что язык отражает мир. Ведь в процессе

познания и коммуникации устанавливается ассоциативная связь прежде всего именно между условным знаком и выраженным этим знаком предметом, т.е. между двумя физическими, совершенно разными субстанциями. Это как бы видимая часть айсберга и в силу этого прямая и непосредственная связь между ними, как кажется, не только возможна, но и единственная. Однако существующая между ними связь не прямая, а косвенная, условная, по договору, устанавливаемая в мозгу, путём абстракции, на основе их психической взаимной ассоциации. Это промежуточное, т.е. идеальное, логическое звено между знаком *лошадь* (2) и предметом *лошадь* (3) мы не видим и не слышим, и о нём даже не подозреваем, но оно есть, и оно записано в нейронных клетках. И оно есть главное, на чём держится язык. Ведь в процессе познания и коммуникации устанавливается связь именно между материей условного знака и материей предмета, т.е. чувственными образами выраженного этим знаком предметов. А абстрактное звено в механизме связи двух материй мы только подразумеваем, так же, как и, например, траекторию полета снаряда: её не видно, но она есть. Это идеальное промежуточное звено, эта «абстрактная траектория» и есть абстракция от знака *лошадь* (2) и реального предмета *лошадь* (3).

Знак только ё тогда знак, когда через него воспринимается и значение отражаемого предмета (абстрактная форма мысли) (3), и сам предмет (чувственная форма мысли) (4). Зна-

чение, т.е. идеальная форма мысли и сам предмет как объект чувственного восприятия, отражаются разными уровнями мышления, первое – абстрактным, второе – чувственным. Материя знака есть опора для данного значения. Ассоциация звука и значения настолько тесна и постоянна, что одно из них немедленно вызывает другое: но связь эта тем не менее произвольна в силу того, что языковой знак и реальный предмет – разные материи и у них нет ничего общего, ибо они связаны лишь условной, не необходимой для данного общества связью. Знак и ассоциированный с ним предмет связаны неразрывно в силу общественного договора для данного народа и в данное время.

Я подчёркиваю: знак представлен как материя в виде звуков и букв на бумаге и в звуковых волнах, а его идеальный образ – в мозгу. Реальный внешний предмет тоже имеет две стороны – это сам материальный предмет (*дерево*) как его чувственное восприятие человеком, и идеальный образ этого предмета как абстрактное мышление, в виде его понятия. Но этот идеальный образ предмета (растения *дерево*) является одновременно и знаком, и идеальным прообразом материи знака (слова *дерево*). Следовательно, материальный знак и предмет ассоциативно связаны друг с другом через их идеальные, абстрактные логические понятия, локализованные в мозгу.

Принципиальная схема взаимодействия четырёх уровней модели знака в реальной жизни может выглядеть так. Я еду

в вагоне поезда, мимо проплывают луга. Я говорю спутнику: *лошадь*. Что происходит у меня в голове? Я вижу (4) предмет *лошадь* (это моё чувственное мышление) и знаю, что этот предмет называется (3) логическим понятием *лошадь*, т.е. перевожу чувственную форму мысли в абстрактную. Я нашёл этому животному нужный материальный знак русского языка, прочно усвоенному мною ещё с детства, как цепочку (2) фонем *лошадь*, которая моим мозгом через мои органы речи преобразована в (1) звуковой знак *лошадь*. Собеседник, услышав материю знака *лошадь* (1) понял, что это знакомая ему цепочка фонем, фонемный ряд *лошадь* (2), обозначающий знакомый ему предмет, имеющий название или логическое понятие *лошадь* (3) и представил её себе в своих воспоминаниях, не видя её, как (4) чувственный образ *лошади*, или увидел живую *лошадь*, пасущуюся на лугу (4). Совершающийся в моём мозгу переход от видимого мною предмета в его понятие (4) – » (3) – это переход чувственной формы мысли в абстрактную, а переход в мозгу собеседника – услышанного от меня понятия (3) – » (4) – это переход абстрактной мысли в чувственную.

Это позволяет нам установить границу между **чувственным и абстрактным** мышлением человека. Воспроизведение определённой последовательности всех четырёх уровней знака в сознании человека позволяет установить две цепочки в последовательности уровней в знаке, которые могут символизировать и чувственное и абстрактное мышление чело-

века: цепочка уровней у говорящего 4 – » 3 – » 2 – » 1 начинается с чувственной формы мысли, а цепочка уровней от слушающего 1 – » 2 – » 3 – » 4 начинается с абстрактной формы мысли, т.е. первая цепочка – переход от чувственного мышления к абстрактному, вторая цепочка – переход от абстрактного мышления к чувственному.

Теория четырёхфункциональных языковых знаков оказалась своеобразной теорией, и именно первоосновой теории языка, где всё представлено как бы в чистом, идеализированном виде. Это объекты, которых, на самом деле, как будто бы и нет, но с их помощью описывается, изучается и на основе их и существует язык, они служат для представления реальных объектов в мозгу. Идеализированные объекты – это выделенные учёными из реальных вещей их закономерности в их чистом виде. Поэтому идеализированные объекты предстают перед нами как своеобразные модели – в данном случае четырёхфункциональная модель языкового знака, – которые отражают реально существующие закономерности и служат нам для познания сущности языка.

Идеальное от реального предмета находится в мозгу, оно произвольно, и в то же время жёстко связано с материей языка, оно не может ни возникнуть, ни существовать без материального знака. Имеет место отношение взаимообусловленности: идеальное в мозгу, рождённое до знака или вместе со знаком, обуславливает рождение языковых звуков вне мозга, а звуки материи обеспечивают вынос идеально-

го за пределы мозга в виде его психических ассоциативных связей с внешними предметами. Для звуковой материи языка необходимы психологические ассоциации, значение, чтобы они вызывали всем известное значение, а оно как идеальное предполагает наличие мыслящего субъекта, который преобразует природную материю звука в абстрактные образы языка. Материя звука как знаковая материя языка существует вне сознания человека, но остаётся в мозгу как ассоциативное значение данного звука. Однако значение, понятие, идеальное не может быть отторгнуто от сознания, оно не существует вне субъекта, оно не переходит в материю знака, а остаётся в мозгу как ассоциативное, понятийное значение данного звука, остаётся навсегда, доколе это позволит долговременная память.

Значение как идеальное находится в сознании субъекта. Если бы не было средств для того, чтобы вывести его наружу, в интерсубъектную область, воплотиться в материи знаков, в природной материи звука или буквы, оно бы не только лишилось возможности развиваться, но и не могло бы возникнуть и существовать. Следовательно, значение не может находиться вне сознания субъекта. На самом деле значения – только в сознании человека как идеальные образы объектов материальной действительности. Человек преобразует идею в звук, а звук – в идею. Так совпадают противоположности, образуется их тождество, но только благодаря работе мозга. Мыслящий субъект явился тем «известным условием» (Ле-

нин), при наличии которого явление превращается в свою противоположность – сущность: природная материя становится как бы неприродной, т.е. становится материей языка, а это значит – рождается в мозгу в виде своего идеального отпечатка.

Материальная форма языка изваяна материальной природой, конкретнее – живым мозгом и его органами речи, материя языка является микроскопическим отпечатком материального мира. И в то же время материальное языка невозможно вне идеального, находящегося в мозгу, иначе природная материя не становится языковой материей. Без идеального это уже будет не материальная форма языка, а обычная природная материя – свист ветра, гром молнии, скрип немазаной телеги. Звучащая и написанная речь есть посредствующее звено, через которое языковая материя превращается в мозгу – в идеальное, в значение. Но и значение, идеальное как функция мозга не может существовать вне акустического (графического) образа, именно идеального образа материи знака, которое порождено материей мозга. Акустический (графический) образ знака есть посредник, звено, через которое идеальное в мозгу (значение) связано с языковой материей и ассоциативно как бы «переходит» в знак, но всегда оставаясь только в мозгу. Значение, идеальное в мозгу превращает природную материю в звуковую, буквенную материю языка. Но звуковая, графическая материя языка продолжает существовать объективно (на плёнке и на бума-

ге), т.е. вне сознания человека. Идеальное существует только в мозгу, оно не переходит в материю языкового знака: звук, буква находятся вне сознания, но их идеальные образы, значения – в сознании.

Тогда возникает вопрос: как происходит слияние звук (материальное) и значение (идеальное) в единство? Ведь это подрывает статус их диалектической противоположности как единой сущности. Языковой знак как бы несёт в себе печать идеального, продукции мозга, т.е. звук содержит в себе идеальное как бы в виде «условных следов» его присутствия. Но эти кажущиеся «следы» и их «присутствие» вводят лингвистов в заблуждение: считается, что в самом слове содержится и материальное, и идеальное. Поэтому иллюзорное наличие и идеального, и материального в самом знаке вводит лингвистов в заблуждение, оправдывая рассмотрение языка как «средства обмена мыслями».

Если знак – только материя, значит это не более чем природная материя (природа всегда первична!), следовательно, природные объекты являются первичными по отношению к сознанию и в то же время независимы от него. Но язык – не голая звуковая материя. Если звук начинает употребляться для чего-то, он как бы теряет свою природную объективность. Звук соотносится с некоторым явлением, с которым у звука нет причинно-следственной связи. Эта связь устанавливается условно, человеком. Использование звука субъектом превращает звук из чисто природной материи в по-

требительский знак. Звуку придаётся новое качество – знаковость, сигнальность. Звук становится представителем не звука и для субъекта превращается в знак. Так звук из области чистой природы попадает в область интеллекта. Происходит распредмечивание звука, и звук или буква поступают в интеллектуальную собственность людей на вечное пользование.

Значение как идеальное немислимо вне и без своей чувственно выраженной материальной основы. Оно произвольно и в то же время жёстко связано с материей звука, ибо не может ни возникнуть, ни существовать без неё (если не учитывать «авербального мышления»). Следовательно, происхождение и функционирование значения как идеального обусловлено и работой нейронных клеток, и наличием материи звука. Таким образом, существует взаимозависимость идеального и материального: идеальное обуславливает наличие языковых звуков, а звуковая материя обеспечивает ассоциативную связь с идеальным, значением. Идеальное немислимо не только вне своей материи мозга, но и вне материи языкового знака. Оно не возникает и не существует без звуков (букв), нет иных материальных средств, чтобы «собрать» отдельные мысли в единство, держать их и передавать поколениям. Но происхождение идеального – не в звуках, а в нейронах мозга. Следовательно, существует взаимозависимость идеального и материального только под эгидой и руководством мозга.

В языковом знаке нельзя разъять материальное и идеальное, которые суть и тождество, и различие. Языковой знак – сплошное противоречие: 1) эти два момента – материальное и идеальное – взаимоисключающие, 2) но языковой знак существует благодаря утрате им этих противоположностей как самостоятельных, благодаря их слиянию в тождество. Языковой знак становится как бы и не материальным, и не идеальным объектом. Эти два свойства знака означают постоянный переход одного в другое. Эта противоположность фиксируется лишь в теоретическом анализе, который, чтобы понять их механизм, искусственно расчленяет их. Ассоциативный отпечаток идеального в звуке знака (2), ассоциативный отпечаток идеального в названии реального предмета (3) есть те **ассоциативные промежуточные звенья** между материей знака и материей предмета, через которые **осуществляется ассоциативная взаимокоординация** между двумя физическими субстанциями – языковым знаком и реальным предметом. Гегель пишет: «Трудное и истинное заключается в том, чтобы показать, что то, что есть иное, есть то же самое, а то, что есть то же самое, есть иное, и именно в одном и том же отношении». Роль языковых знаков заключается не только в том, чтобы служить инструментом рождения мыслей, но и в том, чтобы быть посредником между реальным миром и мышлением, конкретнее – между идеализированными образами искусственной, произвольной материи и идеальными образами реальных предметов

внешнего мира.

Материя языковых знаков служит посредником между идеальным знака и идеальным предмета. Мышление, хаотичное по своей природе, нуждается в приручении и упорядочивании. Между материей звука и реальным предметом есть связь, но условная, по договору. Но связь эта внешняя, а внутренняя связь между тем и другим – это связь идеи от звука (фонемы) и идеи от предмета (понятия). Идеальное от звука (фонема) закрепляется этим звуком, а звук ассоциативно указывает на своё идеальное. Идеальное от внешнего предмета (понятие) закрепляется в звуке через его идеальное (фонемы). А идеальное от предмета закрепляется в идеальном от звука и становится самым звуком.

В языковом или знаковом сознании присутствуют все четыре звена или уровни модели знака. Единство мыслительно-речевой системы проявляется в том, что во всех актах речевой деятельности участвуют все, без исключения, звенья модели знака. Возможность абстрактного мышления обеспечивается материей знаковых, языковых единиц, которая служит посредником между субъектом и объектом. К функциям знаковой системы относятся, кроме звуковых и зрительных раздражителей также кинетические раздражения, идущие в кору головного мозга от функционирующих органов речи. Круговорот речи находится в мозгу говорящего А, у него в языковом сознании живут единицы сознания – фонемы, графемы как абстрактные формы знаков. Они синте-

зируют в сознании соответствующие акустические и графические образы. Это процесс чисто психический. Далее следует физиологический процесс: мозг передаёт органам речи, руке импульс, соответствующий этим образам. Затем звуковые и визуальные волны распространяются через воздушную, графическую среду от **А** к **Б**. Это процесс чисто физический. Далее информация поступает из мозга **Б** в мозг **А** в обратном порядке.

Полный процесс знаковой коммуникации:

- 1) Передача материи, тела знака (1),
- 2) Идентификация этой материи через абстрактный образ этого тела в сознании говорящего, слушающего (2),
- 3) Ассоциация этого образа знака со значением этого знака в сознании интерпретатора (3),
- 4) Осмысление новой информации, возникающей в результате соотношения образов знаков с реальными предметами (4) через их абстрактные знаки (3).

Знаковая ситуация или точнее – модель знака включает в себя: (1) материю, тело знака, (2) знаковый идеальный образ, т.е. отображение тела знака в сознании. Если исключить знаковый образ, то это предполагает отсутствие интерпретатора, говорящего, читающего из модели семиозиса. А введение интерпретатора в знаковую ситуацию без идеального образа знака невозможно, так как встреча материи знака с её идеальным образом в голове говорящего отсутствует.

Процесс познания предполагает всегда **единство** четы-

рёх уровней в знаке, причём анализ структуры знака можно начинать с любого уровня, потому что они взаимосвязаны: 1) Объект познавательной деятельности, т.е. реальный мир и человек как часть этого мира. 2) Субъект познавательной деятельности, носитель психофизиологических механизмов, обуславливающих специфически человеческие формы познания. 3) Система материальных знаков (устных и письменных) как инструмент внешнего выражения идеальных форм мысли. 4) Система идеальных образов этих материальных знаков.

Чувственный образ внешнего предмета (*берёза*) не нуждается в том, чтобы он всегда находился перед глазами. Достаточно его представить как идеальный образ знака для этого предмета. Так, название знака как цепочки фонем автоматически вызывает чувственный образ самого предмета. Поскольку освободившийся от чувственного созерцания знак (теперь уже как идеальное) становится через этот абстрактный образ чем-то созерцаемым, т.е. мы переходим с абстрактного мышления на чувственное, то оно порождает то, что называется языковым знаком. Если мысль что-то обозначила, то она тем самым покончила с чувственным образом предмета и дала ему в качестве его абстрактного образа чуждое ему самому значение. Таким образом, мышление объективируется в языковых знаках на последнем этапе познания (3), где результаты познания становятся доступными и для других людей и приобретают способность к переводу

на другие языки. Найденное знание о каком-либо предмете объективируется, овнешняется в знаке. «Всякое познание заключается в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность. Мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное – в преходящем. Форма всеобщности в природе – это закон.» (Энгельс).

Поскольку мышление человека отражает единую действительность, оно должно быть в своей основе также единым. Поскольку же действительность является нам в двух неразрывно связанных своих сторонах (явление и сущность, материальное и идеальное), то мышление тоже должно отражать двуединую действительность. Поэтому мыслительную деятельность человека мы должны представлять себе в неразрывном и противоречивом единстве двух её обязательных форм мышления – чувственного и абстрактного. Невозможно мышление человека в какой-то одной из этих форм мысли. При определённых условиях можно говорить об одностороннем мышлении: только чувственном или только абстрактном. Это два принципа, две фазы мышления, а не два самостоятельных взаимодействующих системах мышления. Это сложное переплетение и взаимодействие двух обязательных фаз, ступеней мышления. Чувственные и абстрактные формы мышления можно уподобить двум полюсам магнита, которые не могут существовать в отрыве друг от друга. Если в основе действительности лежит противоречие между сущ-

ностью и явлением, материальным и идеальным, то это означает, что ни один реальный объект действительности не может быть скопирован в процессе отражения ни в его чувственном образе, ни в понятии о нём.

Эта модель языкового знака соответствует его материально-диалектической сущности.

Языковой знак имеет структуру:

- 1) Присутствие человека с его мышлением и сознанием, использующего знаки в процессе общения и познания;
- 2) Знаки функционируют в процессе общения и познания не изолированно, а в системе знаков;
- 3) Знак в виде звуков, букв порождается субъектом, но соотносится с другими знаками, с объектами действительности. Эта система отношений носит не природный, а социальный, общественный характер, т.е. она объективна, ибо эти отношения существуют не только в индивидуальных сознаниях людей, но и в самой общественной деятельности;
- 4) Языковой знак носит условный характер и не связан ни с человеком, ни с объектами необходимой связью, а только условной, на основе общественного договора;
- 5) Знак записан в сознании не как нечто видимое и слышимое, а лишь в виде идеальных образов этих материальных вещей;
- 6) Отражаемый объект, как и сам знак, для человека существует не как реальный, чувственно воспринимаемый объект, а как идеальный, логический образ этого объекта;

7) Мысль, как свойство высоко организованной материи, как функция мозга, не может существовать вне головы человека, где материальную основу мысли составляют нейродинамические процессы, протекающие в структурах мозга.

III. Свойства языкового знака

1) Сущность знака – замещение другого предмета

Основная функция знака заключается в том, что он представляет, замещает нечто, находящееся вне этого знака и той знаковой системы, к которой он принадлежит. Функция знака – представлять, замещать другой предмет, он есть знак чего-то. Возможность обобщённого мышления обеспечивается материей знаков, которая есть посредник между познающим субъектом и познаваемым объектом. Отсюда следует, что процесс мышления носит независимый, самостоятельный характер относительно внешней среды. Наряду с материальной действительностью, независимой от человека, существует материальный мир знаков, зависимый от человека, но независимый от того, какой объект называется тем или иным знаком. Но материя всех национальных языковых знаков представлена в головах людей только в идеальной форме этих знаков – в виде фонем (графем), которые условно связаны ассоциативной связью с понятиями о реальных предметах. Эти две абстрактные логические формы в виде фонем или графем и понятий и есть своеобразное отражение, обозначение и представление материальной внешней действи-

тельности, находящейся в сознании человека в виде её идеального двойника. Кроме материи мира есть материальные знаки, они тоже материя мира, но преобразованная в мозгу в идеальную действительность как мой второй мир.

Основная функция знаков – это знаковое отношение к обозначаемым объектам действительности и их роль как инструментов мозга для отражение этих объектов в сознании говорящих. Отражение объектов в сознании есть их семантические или, что то же самое, логические значения. Психические отражения обозначаемых объектов в сознании человека через языковые знаки есть основа **диалектико-материалистической природы языкового знака**. Языковой знак, взятый сам по себе, мёртв, он живёт только в своём употреблении, т.е. во взаимосвязи данного понятия с данным предметом, но к этой взаимосвязи одного с другим должен прикоснуться мозг, вооружённый этой же знаковой системой. Знак сам в себе не несёт признака «знаковости», он должен быть соединён с сознанием, владеющим данной языковой системой.

Понимание природы знака так, как она представлена в данной работе, имеет далеко идущие последствия. То, что считают его идеальной стороной, находится не в материи знака, а в материи мозга, **отделено** от материи знака, позволяет человеку абстрагироваться от реальных вещей, переводя своё чувственное мышление на более высокий уровень – уровень абстрактного, логического мышле-

ния и обратно – в чувственное мышление. Именно знаковая природа слов, всего языка позволяет человеку оторваться от непосредственного созерцания предметов и манипулировать ими в их отсутствие, идеально, по своему желанию связывая знаки в различные комбинации. Без знаков мы остались бы на уровне животных, отражая мир лишь в нашем чувственном мышлении. Переход же к абстрактному, логическому мышлению возможен лишь на основе существующих немотивированных, произвольных знаков, связанных с вещами и предметами не органически, а условно, произвольно, по общественному договору.

2) Языковые знаки – продукт общественной практики человека

Знак, как объект восприятия, материален, но он функционирует лишь в результате его абстрактного, идеального осмысления, его интерпретации как языкового знака в сознании человека. Это осмысление достигается в результате общественной практики человека, на основе его общения с другими людьми. Понимание знака определяется включением его в систему знаков, т.е. в результате соединения одного знака как четырёхуровневого структурного элемента с множеством себе подобных четырёхуровневых знаков. Хотя знак – порождение коллектива, однако мыслительная деятельность – вполне внутренняя, индивидуальная, субъек-

ективная. Но вынесенная в слово мысль становится чем-то внешним, становится объектом, как бы внешним «предметом» для себя самой и посредством слуха или зрения уже как объект возвращается к своему первоначальному источнику. Слово есть отпечаток не самого предмета, а его идеального отражения в сознании.

Реальность знака – в его понимании всеми. Знак без работы сознания людей – простая типографская краска или пустой звук. Но система знаков как не имеет отражательной функции. Если знаку приписывать отражательную функцию, то это приводит к смешению языка и мышления под видом установления их единства. Это приводит к подмене гносеологических вопросов лингвистическими или вопросы гносеологии считают лингвистическими. Язык, по выражению Маркса, – «непосредственная действительность мысли», т.е. объективное, материальное явление, «отягощённое» сознанием. Это не означает, как ошибочно пишут многие лингвисты, что язык и мышление неразрывны, нерасторжимы. Эти слова Марса означают лишь одно: мысль проявляет себя, обнаруживает себя только через воспринимаемый человеком звук и букву. А «неразрывность» языка и мышления тут не при чём, её нет и по определению быть не может, и только потому, что языковой знак – категория условная, немотивированная, а мышление, как идеальный образ материи знака, фонемы (2) и как идеальный образ внешнего предмета, понятие (3) находятся только в сознании.

Звуки и буквы – представители мысли, идеальным в знаках является лишь идеальный образ материи знака, хранящийся в сознании, материя предметов живёт в мозгу тоже в виде их идеальных отпечатков. В этом отношении слово не отличается от любого другого материального предмета, воспринимаемого органами чувств. Но своеобразие слова, в отличие от внешних предметов, заключается в том, что оно сопровождается пониманием, т.е. установлением связи этого слова с определённым понятием, локализованным в голове человека, условно и навечно связанным с определённым предметом.

3) Различная материальная реализация знака унифицируется его идеальной формой

Каждый знак как физический объект имеет неповторимые индивидуальные звуковые и графические свойства. Но так как среди всех этих свойств есть нечто общее, которое совпадает, во-первых, со свойствами тех же знаков, но в их различном исполнении, во-вторых, с аналогичными свойствами в других знаках, то неизбежно встаёт вопрос об опознании любого реального, появившегося знака на основе совокупности признаков.

Материальность знака – его обязательное свойство, знаки «сделаны» из звуковой и графической материи и воспри-

нимаются органами слуха и зрения как реальная материя. Но так как эта материя всегда реализуется по-разному, то для того, чтобы безошибочно распознать в разных реализациях знака один и тот же знак, в голове говорящего и слушающего находятся идеальные, обобщённые образы этих материальных знаков, представления о них в виде фонем и графем. Поскольку любой знак языка существует в двух ипостасях: в виде его телесной реализации и в виде абстрактного, идеального эталона тела знака и они взаимно обуславливают друг друга, то это и служит основой распознавания одного и того же знака в различных исполнениях. Кроме того, чтобы можно было легко распознать знаки, они снабжены и множеством других признаков: структурой фонем в словах, синтаксическими признаками слов в структуре предложения. Своими различительными признаками они маркируют конкретные значения, понятия в масштабе морфем, слов, предложений.

Многие экземпляры одного и того же знака, имеющего множество индивидуальных черт, сохраняют в себе некоторый набор неизменных черт, которые и выступают в роли признака и дают основание всякий раз опознавать любой такой же знак как экземпляр одного и того же знака. Сознание хранит в себе абстрактный образ признака любого экземпляра знака как тождественного остальным (фонемы, графемы). Важнейшим фактором для идентификации знака служит также грамматическая структура знака, приписанная

ему с момента его появления. Если сознание хранит в себе абстрактные образы, то, следовательно, оно должно иметь и механизмы, способные производить и воспринимать те же самые знаки со своими чертами.

4) Различная протяжённость знака.

Текст как расширенный знак

Материальный языковой знак имеет линейный, дискретный характер. А идеальное значение этого же знака, хранящееся в мозгу, не имеет линейности, оно имеет глобальный характер, оно недискретно, коммулятивно. Идеальное содержание не имеет ни временной, ни пространственной протяжённости. Однако звук, буква, морфема, слово, предложение, сложное предложение, текст – это знаки различных уровней, различной протяжённости и степени сложности. Более сложные знаки состоят из более простых знаков. Все они манифестируют или «имеют» свои идеальные, абстрактные, логические эквиваленты: это фонемы, графемы, понятия, суждения, умозаклучения. Под знаком обычно, традиционно понимают слово. Это понимание идёт ещё от Аристотеля и активно было внедрено в формальную логику в Средние века. Это объясняется тем, что после Аристотеля формальная логика никогда серьёзно не занималась установлением регулярных связей между формами языковых знаков и логическими формами мышления, т.е. про-

блемами взаимодействия языка и мышления. Однако факты показывают, что и остальные структурные элементы языка, кроме слов, тоже знаки, т.е. знаки, стоящие по рангу ниже слова и выше слова.

Почему знаки, по рангу стоящие ниже и выше слова, тоже знаки? Потому что все они выполняют одну и ту же функцию – выступать в роли ассоциативного, общего, логического понятия или суждения о внешнем объекте: фонема (графема) как самая низкая идеальная, логическая форма мысли служит в функции смыслоразличительного средства для идентификации более высоких логических единиц – морфем, понятий, суждений, умозаключений.

Знаки, стоящие ниже уровня слова (их логический эквивалент – фонемы или графемы), в логике никогда не признавались как логические формы, а истинной и единственной логической формой признавалось лишь слово. Но знаковые формы, стоящие выше уровня слов, т.е. суждения, умозаключения, текст, – тоже знаки, но различной сложности и протяжённости, состоящие из менее сложных знаков. Все они обладают знаковым свойством – а) они всегда обозначают нечто иное, чем они сами, б) их идеальные эквиваленты находятся в сознании как ассоциированные отрезки смысла.

Знак (кроме фонемы, графемы), как единица языковой системы, состоит из более мелких и простых знаков, имеет внутри себя подчинённые знаки. Каждый знак можно изменять, составлять его из отдельных частей, и производить

внутри него различные структурные операции. Сложный знак обязательно обладает раздельностью, разными частями. Знаки находятся в соответствующих отношениях не только с себе подобными, но и с более высокими по отношению к ним знаками. Знаки низшего уровня образуют сложное содержание знака более высокого уровня, которое выступает уже не только как знаковое отношение к обозначаемому объекту, но и как результат внутрискруктурного взаимодействия содержаний знаков низшего уровня.

Основным языковым знаком является слово, которое резко отличается от остальных знаков, так как оно, воспроизводя мысль о какой-либо вещи, обеспечивает осознание, познание заменяемой им вещи, тогда как другие знаки (кроме предложения) приводят в действие лишь механический или биологический автоматизм. Это познавательные знаки, так как они направлены на познание объектов.

Обычно считается, что знаками являются в языке только слова. Буквы, звуки, служебные слова – якобы, не знаки, потому что у них нет значения. В реальном мире им ничто не соответствует. Звуки, буквы, как считают многие лингвисты, – не знаки, а только их часть, из которых строятся знаки. Однако звуки, буквы – тоже знаки, без них нет слова как структурной единицы более высокого знака. Например, служебные слова, поскольку они не выполняют их главной функции – быть членом предложения, т.е. быть полнозначным словом, то они – не знаки. Напротив, они не бессмыс-

ленны, а отражают в себе семантическое и логическое значение всего предложения, в котором употребляются.

Слово занимает центральное место среди языковых знаков, поскольку оно является наименьшей единицей, способной воспроизводить отдельную мысль, именно элементарную мысль. Слово поглощает единицы низших уровней, как не соотносимые с отдельными отрезками мыслительного акта. Оно создаёт основу для любых речевых, мыслительных процессов.

Язык устроен как иерархическая система знаков разных уровней, причём знаков произвольных, не связанных органически с теми предметами, о которых эти знаки повествуют. Поэтому они свободны в разных комбинированиях на разных уровнях. Вследствие этого естественный язык – самая богатая и самая экономная знаковая система, и при этом он иерархичен, что его и отличает от всех семиотических систем. Знаки не живут вне системы, их порождает система. У знаков нет собственных, органически с ними связанных значений, поэтому они и свободны для самых различных сочетаний и комбинаций по требованию мозга – это ассоциативные, идеальные образы предметов, признаков, свойств, отношений, которые в совокупности образуют бесчисленное множество суждений и умозаключений, которые образуют структурно более высокий знак – текст (это может быть любой текст, вплоть до романа).

У наименьших знаков – звуков и букв – тоже есть свои

идеальные, логические эквиваленты – это фонемы и графемы, как низшие структурно-различительные логические формы, как некие общие абстракции, обобщающие однотипные звуки и буквы в разных структурных позициях. Слово дом – знак русского языка. Но что означает в этом знаке по отдельности каждая фонема [д], [о], [м]? Знак дом состоит из более мелких знаков, фонем или графем, но каждый из них не связан ассоциативно в сознании ни с каким реальным предметом или событием. Они, тем не менее, знаки русского языка, потому что без их участия и их особого структурного построения мы не получим более крупного знака, состоящего из иерархически связанных подчинённых знаков. Сущность любого знака: произвольность, линейность, независимость от индивидуальной материи, структурность, иерархический характер знаков на разных уровнях.

Фонемы и графемы соответствуют в реальном мире звукам и буквам, являются их абстрактными, логическими формами. Это не самостоятельные абстракции от реальных вещей, имеющих свои значения в виде логических понятий, а лишь абстрактные структурные единицы, обладающие смыслоразличительными и противопоставительными функциями, вносящие смысловое различие в слово, т.е. то, благодаря чему они конституируют знаки более высокого порядка – понятия, суждения, умозаключения. Их роль – строительная, различительная, указательная, но они не просто бессмысленные единицы, которые, якобы, ничего реально-

го не отображают, а, напротив, будучи соединёнными вместе в определённую структуру, они конституируют более крупные знаки, ассоциируются уже с реальными предметами и событиями, создавая в мозгу их идеальные, логические образы.

В материи знака заложены две идеальные сущности – идеальное от звука, буквы (фонема, графема) и идеальное от внешнего предмета (понятие). Знак делит непрерывное течение восприятий на отдельные отрезки, акты, создавая отдельные объекты мысли (понятия, суждения, умозаключения), на которые узнаются, понимаются только совместно, в предложении, т.е. в логическом суждении.

Языки – это прежде всего материальные языковые системы, но по своей сущности и по своей – внутренней структуре они нечто совершенно иное, а именно – идеальные структуры фонем, графем, иерархические структуры знаков более высокого порядка – понятий, суждений, умозаключений. Вот именно они, эти более высокие знаки, ассоциируясь в мозгу с идеальным отражением реальных материальных предметов и явлений рожают в мозгу идеальные, т.е. логические понятия, суждения, умозаключения.

Все языковые знаки устроены иерархично. Наименьшие знаки – звуки, буквы (их идеальные прототипы или двойники – фонемы и графемы) составляют морфемы (их идеальные прототипы – морфонемы), они, в свою очередь, образуют слова, слова образуют структурные элементы предложе-

ний, и так до бесконечности. Текст романа «Война и мир» – тоже знак, он имеет все признаки знаковости: материален, все знаки, составляющие этот роман, условны и не мотивированы ничем, в материи текста скрыты все его отдельные идеальные, абстрактные, логические формы, за всем текстом скрыто определённое идеальное содержание, находящееся не в тексте, а в мозгу человека. Но идеальное содержание романа содержится не в отдельных знаках, а в тексте всего романа – его идея, глобальное мысленное построение, не выраженное отдельно ни в слове, ни в предложении, а не иначе, как в протяжённой знаковой структуре, состоящей из миллионов более мелких единиц, подчинённых этому большому знаку – роману.

Понятие «знак» для языкознания – инородное тело, оно пришло из области семиотики. Но тем не менее понятие «знак», как в высшей степени обобщающее понятие, необходимо для языкознания как удобный термин, объединяющий в себе множество различного уровня языковых структур – от фонемы до текста. Фонема, графема – мельчайшие и простейшие логические знаки языка, ниже них в языке ничего нет. Они образуют более сложные идеальные знаки – понятия, конституирующие, в свою очередь, ещё более сложные логические формы – суждения, из которых образуются умозаключения. Всё это и ведёт к образованию текста.

Таким образом, язык или то, что мы называем языком, в его материальной и в его идеальной, логической форме

предстаёт в нашем мозгу в виде иерархической структуры логических форм – фонем, графем, морфонем, понятий, суждений, умозаключений. Причём чем выше иерархическая структура знака, тем реже он представлен в мозгу в его уже готовой к употреблению форме. Говорящий и пишущий должны ещё найти составляющие этого знака, его структурные единицы, т.е. знаки более мелкого уровня, и из них «делать» знаки более высокого порядка. В основных европейских языках насчитывается от 20 до 30 фонем и графем, но понятий уже сотни тысяч (см. толковые словари), а суждений столько, сколько до сих пор опубликовано во всей мировой литературе. Это свойство знаков различных уровней связано также со свободой их комбинирования: чем ниже уровень знака, тем более он связан по рукам и ногам со свободой передвижения внутри более высокой знаковой единицы. Знаки более высокого уровня позволяют говорящему и пишущему выражать их мысли более свободно, произвольно, сообразуясь лишь с уровнем развития собственного мышления и грамматическими правилами языка.

5) Не только материя знака, но и её идеальный образ в сознании – тоже знак

Общепризнанно, что связь, соединяющая имя с вещью, – нечто совершенно простое. Однако двойственность знака, если его, по традиции, рассматривать как форму и значе-

ние, – только видимая часть айсберга. Оба момента, заключённые в знаке, как я показал выше [(2) – » (3)], психичны, идеальны и связываются в нашем мозгу посредством психических ассоциаций. Языковой знак связывает не имя и вещь [т.е. не (1) – » (4)], а акустический, идеальный образ знака (фонемы) и идеальный образ предмета (понятия) [т.е. (2) – » (3)]. Этот образ не есть материальный звук, вещь чисто физическая, а психический отпечаток звука (буквы), фонема и понятие, полученные нами о них посредством наших органов чувств, они – абстрактные образы, т.е. логическая форма в виде фонемы, или просто – логическая фонема. Второй момент ассоциации с вещью, событием – понятие, ещё более абстрактная форма.

Знак есть посредник между внешним материальным объектом и его обозначаемым идеальным образом – значением. Между знаком и обозначаемым объектом нет никакой непосредственной связи, ни материальной, ни прямой, ни какой-либо иной, кроме условной, договорной. Рассуждения о прямой связи знака и объекта – мистика. Обозначать объект – значит просто вызывать в сознании человека образ этого объекта. Связь знака и объекта осуществляется только через их абстрактные образы. Их два – образ самой материи, т.е. цепочка фонем (2) и образ реального объекта, т.е. понятие (3). Обозначение объекта знаком есть вызывание его абстрактного, логического образа, отражающего этот объект, а объект или его образ служат для вызова знака в памяти.

Производитель знака идёт от объективной вещи к её отражению – субъективному образу в сознании (это процесс перехода чувственного мышления в абстрактное), а от него опять к объективному знаку (это процесс перехода абстрактного мышления в чувственное). Восприниматель идёт в обратном направлении – от знака к образу и от него к вещи.

Знак произволен, не мотивирован по отношению к внешнему предмету. Значит, мышление человека есть естественно необходимый процесс, не зависимый от каких бы то ни было предметов и их названий. Но знаки регулируют и упорядочивают наше мышление, ускоряют или замедляют его, и по-своему, в каждом языке, согласно его национальной принадлежности, членят его отрезки, одновременно находящиеся в условной, произвольной, но и в то же время в неразрывной связи с реальными предметами.

Хотя процесс отражения мотивирован только мозгом, его мышлением, но в то же время человек не может мыслить и отражать мир без помощи знаков. Следовательно, мышление произвольно само по себе (о чём хочу, о том и думаю, как хочу, так и пишу, о чём немало свидетельствует сегодняшнее теоретическое языкознание), но оно втиснуто в рамки своей национальной знаковой системы.

Значение знака – это ассоциативная психическая связь с предметом и его мысленным отражением в мозгу. Совокупность ассоциаций, скреплённых согласием коллектива, составляет язык, т.е. это реальности, их местонахождения –

в мозгу. Психология показала, что центральное физиологическое явление в работе больших полушарий мозга есть то, что мы называем условным рефлексом. Это явление психологи называли ассоциацией. Всё обучение заключается в образовании временных связей, ассоциаций, а это есть мысль, мышление, знание. Следовательно, основное – это ассоциации. Всё это есть «понимание», всё это есть «мышление», которое насквозь состоит из ассоциаций. Каждая маленькая, первая ассоциация это есть момент рождения мысли. Эти ассоциации растут и увеличиваются. Тогда говорят, что мышление становится глубже, шире и т. д. Таковым является и процесс научной мысли.

Любая материя становится знаком лишь тогда, когда она приобретает знаковую функцию, т.е. когда звук, буква приводит в ассоциативную связь определённые предметы действительности с их мысленными, общественно осознаваемыми отражениями в сознании людей. Значение знака – это логическое понятие, соотнесённость знака с определёнными классами предметов и с идеальным отражением этих предметов в сознании. Значение знака имеет двоякую ассоциативную соотнесённость – с предметами и с их мысленными, идеальными отражениями в сознании. Сущность именования заключена как раз в этом двойном отношении – к вещи и к понятию о ней.

Положение о знаковом характере языка имеет для языкознания принципиальное теоретическое значение. Единицы

языка не могут включать в себя психических отражений действительности, а могут только тесно ассоциироваться с ними в сознании говорящих. Следовательно, язык не имеет отражательной функции. Языки не включают непосредственно в свой состав идеальных образов обозначаемых явлений действительности. Признание знаковости языка и одновременная попытка включения психических отражений действительности в состав знаков под вывеской «значения» принципиально неверно.

Хотя значение – неязыковая категория, не выводимая из знаковой структуры языка (ибо значение – факт сознания, психического, есть общий объект исследования лингвистики, логики, психологии, физиологии, философии), тем не менее невозможно вывести факты сознания и психики, т.е. вопросы психологии за пределы лингвистики. Это не «очищение» лингвистики от «посторонних» для неё теоретических проблем, а лингвистическое преломление того, как надо понимать взаимоотношения материальных знаков и их идеальных образов в сознании. Природа взаимосвязи материального и идеального может быть определена не в границах материальных языковых знаков, а лишь на основе данных логики, психологии, физиологии, философии. Лингвистический знак – чисто материальное, это даёт основание определять элементы языка в качестве материальных заместителей абстракций и эмоций, этих сложных психофизиологических процессов мозга.

Идеальное, сознание – функция, способность мозга, результат или продукт физиологических процессов мозга. Эта функция объективируется в абстракциях, т.е. в **логиче-ских формах** (фонемах, графемах, понятиях, суждениях, умозаклучениях), и в **чувственных формах** мысли (звуках, буквах, простых предложениях, сложных предложениях). Но сам внутренний механизм отношений между знаком и значением, заложенным в сознании, остаётся до сих пор открытым. Формирование человеческого мышления – это формирование фонем, графем, понятий, суждений, умозаклучений. Это формирование логических форм обусловлено операциями при помощи материальных субстратов, заместителей объектов.

Пластичность психики и условный характер знаков рождает полисемию – один знак может иметь множество «значений». Это первый уровень языковой структуры, на котором проявляется закон материалистической диалектики: соотношение материального и идеального. Значение, идеальное в мышлении не может появиться вне его носителя, оно ищет опору в материи знака. Но и знак не есть знак, если он не ассоциирован в мозгу с идеальным образом предмета, в этом случае он не имеет никакой ценности, кроме природной материи. Знак произволен, но как нечто становится знаком, как природная материя переродилась в знаке, что его заставило и как он мог преобразиться в мозгу – тайна лингвистики, логики, психологии, психофизиологии.

Вопрос о четырёхфункциональности знака сложен. Многие, наверное, эту теорию будут отрицать, увидев в этом псевдо-проблему, потому что не существует якобы явлений, которые были бы одновременно и материальными, и идеальными. Но, с одной стороны, материальное находится вне мозга, а идеальное от материи – в мозгу. С другой стороны, ведь противопоставление материального идеальному является противопоставлением философским, диалектическим, гносеологическим, а не онтологическим. Если не признавать явлений, одной стороной обращённых к материальному, а другой – к идеальному, то необъясним переход от материального к идеальному и от идеального к материальному, который совершается в сознании людей ежесекундно. Именно благодаря этому происходит «переключение» материального в идеальное: это переход чувственной формы мышления в абстрактную форму мышления [уровни (1) и (2) и обратно: это переход абстрактной формы мышления в чувственную [уровни (3) и (4)]. Эти переходы совершаются в знаке благодаря наличию у знака четырёх его сторон: материального в знаке и его идеального образа в мозгу, а также материального в реальном предмете и его идеального образа в мозгу. Знак **обязан** быть материальным, чувственным, иначе невозможен ни процесс мышления, ни процесс коммуникации.

6) Языковой знак удобен для хранения и его передачи поколениям

Свойства знаков таковы, что они, благодаря их идеальному образу, удобны для их хранения и передачи от поколения к поколению. Мы храним в памяти не только сам чувственно осязаемый материальный знак в виде звуков, букв, но и его обобщённый, идеальный образ, форму знания о нём, а также умение и навыки перевести этот идеальный образ знака в соответствующую материальную форму. Язык носят не в кармане или в портфеле, а в голове. Язык как система знаков есть идеальная, а не материальная сущность, хотя и живёт он и видимый в буквах, и слышимый в звуках, как бы в своих материальных носителях, хотя сам язык живёт в сознании. Это можно элементарно доказать тем, что, во-первых, отдельные сегменты речи узнаются собеседником как значимые единицы языка. А это возможно лишь тогда, когда в сознании реципиента имеются эталоны для сравнения, во-вторых, слушатель или читатель запоминает ранее сказанное и написанное не пословно, не слово в слово, а лишь смысл как категорию не языковых знаков, а сознания. Именно поэтому языковой знак является логически единственно возможным, бесценным средством для производства человеческого мышления и удобен для хранения и передачи его поколениям благодаря его идеальному образу, отпечатанному в мозгу.

7) Асимметрия в знаке между звуком и его ассоциативным значением в сознании – следствие произвольности знака

Асимметрия знаков есть их уникальное свойство. А по-другому в языке и быть не может – знак есть условный, немотивированный материальный объект, выбранный человеком или случайно, или в силу каких-то ассоциаций. Отсюда «разлаженность» между формой и содержанием, т.е. за одним и тем же знаком может быть условно закреплено любое и даже несколько ассоциативных образов, а за одним образом – несколько его различных материальных воплощений, знаков. Звучание и значение – не параллельны. Эта асимметрия находит в языке различные наименования (полисемия, синонимия, антонимия, омонимия).

«Значение» знака не является отражением мира в силу своей условности, произвольности. Условная, произвольная и искусственно человеком установленная связь не может рассматриваться как отражение. Значение – а оно находится не в материи знака, а в мозгу – это условная связь знакового комплекса с понятием, установленная человеком. Значение в знаке, т.е. логическая ассоциация в сознании в виде его наименования, имени есть не отражение сущности от-

ражаемого предмета, а психическое, ассоциативное отношение к предмету в виде присвоения ему определённого имени, которое приобретается в обществе с согласия его членов. Значение – это отношение знака и к сознанию, и к языковым системам, к любым знакам как результат трансформации абстракций самого мышления. Отсюда – новые абстракции мышления, иные семантические связи уже готовых знаков с новыми значениями. Отсюда и причина изменения значений в собственно лингвистическом плане, синонимия, омонимия, антонимия, полисемия. Поскольку семантика органически входит не в структуру языка, а в структуру мышления (в виде структуры логических форм), поэтому к семантике приложимы и нелингвистические методы исследования.

Звучание слова само по себе нам ничего не может сказать о характере значения, с которым оно ассоциативно связано (выражает). Ведь связь эта – произвольна. Именно такая произвольность материальной языковой формы и создаёт возможность обобщений и отвлечений. Этого не могло бы быть, если бы действительность сигнализировалась такими сигналами, которые бы давали зеркальное отражение каждого из реальных предметов. Связь формы и значения произвольна, но общественно обусловлена: никто не может менять слова по своему вкусу, пока этот акт не будет принят обществом. Кроме того, каждое новое поколение усваивает язык предшествующего поколения.

8) Знак есть также средство выражения отношений между знаками: грамматическая система – тоже система знаков

Знак естественного языка есть не только средство фиксации приобретённых знаний, но и средство выражения грамматических отношений между знаками, эти отношения фиксируются грамматическими средствами, в которых также отражены идеальные, мыслительные процессы, многообразная и противоречивая действительность. Все знаки языка *ab ovo*, уже от своего рождения снабжены определёнными грамматическими маркерами, благодаря которым знаки и вступают в связь друг с другом, образуя языковую знаковую систему. Грамматика нужна для того, для чего нужны и слова – чтобы включать слова в речь в определённом порядке, последовательности, линейности, в нужных синтаксических структурах и придавать мысли стройную, нужную форму, варьировать структуры. Обозначение предметов материальными знаками – недостаточно, чтобы состоялся познавательный процесс и коммуникация, эти знаки надо привести в систему. Иначе язык превратился бы не в систему знаков, а в беспорядочное нагромождение знаков, как кирпичи на свалке.

Материальный знак есть знак только потому, что он имеет своего интерпретатора. Но знаки не изолированы, они живут в системе себе подобных, в системе, которую создали люди

и без них нет ни знаков, ни их системы. Знак – это посредник между человеческим мозгом (живой материей) и внешним миром (неживой материей). Но функционирующая материя мозга – это мышление, сознание, и без него не может появиться материя знака, т.е. материя, созданная человеком и им же превращённая в её идеальный образ – фонему, графему.

Но важно не только материальное тело знака: оно через органы речи и слуха (на уровне чувственного мышления) воспринимается из звуковой и графической среды, преобразуется в его идеальный образ в нейронах и передаётся мозгом обратно за его пределы только в **идеализированной** форме, которая через органы речи и пальцы руки вновь возвращается в своё исходное состояние – материальные звуки и буквы. Своим телом знак обозначать в мозгу ничего не может (вне мозга это просто материальная мёртвая субстанция и ей нет места в живом мозгу), а может это делать только через **идеальный образ** своего тела, превращаясь таким образом в наименьшие логические формы мысли – фонемы и графемы. Но и это не всё – идеальное материи знака живёт только в системе (*дом, ком, ром, сом, том*) (здесь выделено идеальное понятие от материи звука, как наинизшая из всех логических форм – фонема, графема). Знака нет, если нет системы, в которой он живёт, и из которой он вышел. Знака нет, если нет человека, его мозга, т.е. мышления, в котором только и только живёт этот знак.

9) Диалектика взаимодействия уровней в знаке. Материальное и идеальное в знаке

Животные и люди формируются материально и физиологически только сообразно мерке и потребностям того вида, к которому они принадлежат. Материальная же форма языка формируется не природой, не стихийно, а сознанием человека. Хотя это идеальное, сотворённое мозгом, лежит не в материи знака, а в сознании, но оно, тем не менее, не связано органически с материей, связь эта знаковая, стихийная и не отражает сущность данного внешнего предмета.

Значение или идеальное в голове делает материю звука материей языка. Без значения звук – природная материя, вещество. Звук без значения не имеет отношения к языку. Чтобы стать языковым, звук должен быть связан со значением. Материя звука становится языковой материей, лишь будучи одухотворённой значением. Значение в этом случае есть то «известное условие», при наличии которого явление превращается в свою противоположность: природная материя становится неприродной, т.е. знаком языка. Значение как идеальное немислимо вне и без своей материальной основы. Оно условно, но жёстко, по договору связано с материей звука, не может ни существовать, ни возникнуть без него, значит – без мыслящего человека.

Язык не есть голая звуковая материальность. Когда мы

употребляем звуки, знаки языка для чего-то иного, кроме того, чтобы их просто произносить, то есть для общения и познания, то они утрачивают свойство знака. Звук соотносится с каким-либо явлением, с которым у него отсутствует причинно-следственная связь, материя знака никак не детерминирована свойствами предметов, с которыми они соотносятся. Эта связь условная, между ними отсутствует какое-либо сходство. Связь эта устанавливается сознанием человека, знаку придаётся значение, изначально ему чуждое, и тем самым создаётся знаковость, устанавливается соотношение звука с незвуком. Звук становится представителем не звука. Звук сам по себе не может принадлежать языку. «Функциональное бытие знаков поглощает их материальное бытие» (Маркс, Энгельс). «Знак есть непосредственное созерцание, представляющее совершенно другое содержание, чем то, которое оно имеет само по себе» (Гегель). «Что роза пахла бы иначе, когда б её иначе называли»? (Гёте).

Язык есть непосредственная действительность мысли, материальное «отягощение» сознания, внемозговая материальная форма выражения сознания. Идеальным являются лишь психические или логические образы слов, существующие не в языке, а в голове человека. В этом отношении слово не отличается от любого другого материального предмета. Во время чувственного восприятия слова эта чувственная форма мысли сопровождается пониманием, т.е. установлением связи этого слова с определённым логическим понятием.

ем, отложившимся в голове человека и уже в его прежнем опыте соотносившимся с данным словом.

В словесном, письменном выражении мысли не существует соответствия идеального образа и материального знака, ведь они условно, лишь символически представляют содержание мысли. Знак, сам по себе, ни материей, ни идеальным образом не отображает содержание мысли. Информационную способность знак приобретает благодаря исторически сложившейся связи – соотносённости с данной мыслью.

В материи знака содержатся два объекта: сама материя звука, буквы, и идеальная форма этого звука, отражённая в сознании (в модели знака это уровни 1, 2). Форма звучания (написания) изобретена сознанием, но она не осталась в самом знаке, а осталась в сознании. Обе стороны материального знака (1) и (2) ассоциативно связаны с внешним предметом (4) через его идеальный образ (3). Поэтому речевой диалог, «обмен мыслями» есть обмен звуками, а так как они связаны в мозгу говорящего и слушающего с идеальными формами этих звуков и этих предметов, то происходит «обмен мыслями» в форме ассоциативной связи одних и тех же звуков с одними и теми же предметами. Речевой диалог, «обмен мыслями» есть обмен звуками. А так как они связаны в мозгу говорящего и слушающего с идеальными формами этих звуков и предметов, то происходит обмен мыслями в форме ассоциативной связи одних и тех же звуков с одними и теми же предметами.

Если бы мысль была локализована только в сознании и не могла бы иметь выхода за пределы сознания, то не было бы и самого сознания. Сознание выходит наружу лишь в форме ассоциативной связи определённого участка сознания, связанного с определённым знаком. Мысль не смогла бы материализоваться вне сознания. Но это не значит, что мысль осталась в знаке, ведь вне мозга она не живёт, а мысль просто соотнесена с определённым знаком, языковым, специфическим, изобретённым самим человеком для нужд своего сознания.

Если бы мысль локализовалась только в сознании и не могла бы оторваться от материи мозга, которая мыслит, если бы она не могла выйти наружу, встать между говорящим и слушающим, то невозможен был бы «обмен мыслями», взаимопонимание, общение. Сознание, идеальное не могло бы вообще возникнуть. Сама мысль не может перейти в форму звуковой и графической субстанции, мысли остались бы в голове как логическое понятие или суждение, они связана по ассоциации с совершенно определёнными знаками и создают впечатление, что перешли в форму звучания или графического изображения. Если бы мысль получила форму материи звука (буквы), то в момент молчания человека эта связь должна была бы остаться, но её там нет, и вновь эта связь появляется, когда человек говорит, пишет. Эта связь сигнала, материи, буквы с идеальным образом в сознании соединяется вновь только в сознании. Звук не есть

мысль, но без звука нет мысли; мысль не есть звук, но без мысли нет звука, языкового знака. Эти противоположности обеспечивают их слияние в тождество.

Диалектика взаимодействия материального и идеального в знаке заключается в том, что идеальное одновременно и присутствует, и отсутствует в материальном знаке. Идеальное в знаке обнаруживается в том, что оно ассоциативно отпечатано в сознании человека. Вот поэтому материальное в знаке и идеальное в мозгу взаимосвязаны неразрывной ассоциативной связью и одно тут же по ассоциации вызывает другое.

Если бы знак не был связан с идеальным образом материального предмета в мозгу, то было бы невозможно понимать звучащие и написанные слова. С другой стороны, если бы идеальное, содержащееся в мозгу, не имело своего ассоциативного материального двойника в материи знака, то понимание, обнаружение этого идеального в мозгу было бы тоже невозможно. Если говорить о том, что в материи языкового знака остаются следы идеального, то это идеальное находится только в мозгу, а то впечатление, будто в самой материи знака заложено значение, есть не что иное, как неразрывная, ассоциативная, психическая связь материи знака с её идеальным образом внешнего предмета в мозгу. «Трудное и истинное заключается в том, чтобы показать, что то, что есть иное, есть то же самое, а то, что есть то же самое, есть иное, и именно в одном и том же отношении» (Гегель).

10) Языковой знак и мышление

Между знаком и предметом как двумя физическими явлениями нет никакой органической связи, она устанавливается человеком в его социальной практике. Именование предмета словом основано на понятии этого предмета и именуется не отдельный предмет, а класс предметов, существенные признаки которых закреплены в понятии. Знак соотносится непосредственно с понятием, а отношение его к предмету носит опосредованный характер.

Значение знака – это инвариант информации, возбуждаемый знаком в голове субъекта, живущий в голове одного человека и передаваемый в мозг другому человеку в системе знаков. В процессе передачи информации передаются не знания как таковые, а определённые знаковые структуры. Мысль кодируется в знаки в мозгу одного человека, которые передаются в другие головы, где возбуждают значения тех же объектов, обозначенных теми же знаками.

Знак языковой – это превращённая форма существования объектов внешнего мира в нашем сознании, это поглощение материального бытия знака его функциональным бытием. В знаке проецируется замещаемая им предметная реальность, что и делает знак превращённой формой этой же реальности. Знак функционирует как объект, указывающий на чужие свойства замещённого им предмета.

Вербальная коммуникация является адекватной мыслительному процессу человека. Поэтому мыслительный процесс есть собственно речемыслительный, на основе условных знаков объединяющий в себе категории сознания и языковых знаков. Мышление человека – это абстрактная форма познания, выражающаяся в специально приспособленной для этого форме отображения мира в виде материальных знаков, сочетающих в себе материальную субстанцию и идеальную, логическую сущность, локализованную в мозгу человека. Интеллект лежит за пределами знаков, у них нет ничего общего. Рождение абстрактного мышления есть рождение человеческого языка. Только языковой знак венчает становление абстрактного мышления.

Мысль и звук, т.е. материальное и идеальное тесно между собою связаны, но условно, немотивированно. Отсюда можно было бы сделать вывод, что это и составляет сущность языка как некоего целого. Однако это разнородные явления – материя и идеальное, сознание, – поскольку они не могут быть локализованы в мозгу одновременно. И тем не менее они там. Но как, в какой форме? Вот слова Соссюра: с какой бы стороны не изучался язык, он всегда есть объект двойственный, состоящий из двух сторон, из которых одна существует лишь в силу существования другой. Бенвенист Э.: Всё в языке необходимо определять в двойках терминах: на всём лежит печать оппозитивного дуализма.

Понятийное, абстрактное мышление преобразует объек-

тивный мир в мир идеальных сущностей, что и есть фактор познания мира. Но возникновение идеальных образов, форм мышления всегда, неизбежно связано с необходимостью их внешне воспринимаемого, чувственного, материального закрепления. Существование абстрактных форм мышления заложено в их внешне воспринимаемой, материальной природе знаков.

Знак не содержит в себе ни семантического, ни логического значения. Если считать, что знаки выражают мысли, то это противоречит существу познавательного знака и поэтому неверно. Если знак есть знак воспроизводимой идеи, то он должен лишь указывать на эту идею, т.е. воссоздавать мысль о ней в сознании человека, а не в самом знаке, и не в самом внешнем предмете. Знак не есть выразитель идеи, он не включает в себя чувственного образа самого себя, он в сознании как чувственный образ, там же его и идеальный образ, и именно это не ведёт к отрыву материального от идеального. Если считать, что понятие находится в знаке, то оно становится частью знака, т.е. есть сама природа знака. Если предположить, что знак выражает идеи, то он – часть мышления. Знак, взятый сам по себе как физическое событие, есть не знак, но лишь тело знака. Он становится знаком, только будучи взятым в определённом отношении к чему-то внезнаковому, к означаемому.

Познавательная ценность знака состоит в том, что он относится к предмету, с его помощью формируется и создаёт-

ся заново мысль о предмете. Только через знак мы познаём предмет и узнаём о его существовании, хотя его непосредственно не воспринимаем. Знак замещает предмет как средство информации о нём, т.е. это знак предмета, сигнал сигнала. Эта связь и есть значение слова, которое находится в сознании.

Ни логики, ни математики не выступают с заявлениями, что логические и математические значения являются внутренним свойством знаков, что знаки суть вместилище значений. Наука не сделала бы своих успехов, если бы люди всё время помнили, что знаки языка имеют значения, заключённое в них самих. Каждый астроном в обычном разговоре употребляет «Солнце всходит и заходит», но на уровне науки они доказывают совершенно противоположное. Все значения лежат за пределами знаков, эти значения – в мозгу. Изначально материальная сторона слова, его форма не обусловлена природой обозначаемого предмета. Если бы было иначе, то во всех языках были бы одинаковые номинации для одной и той же вещи, т.е. был бы в мире один-единственный язык, а это вело бы к сокрушительным последствиям.

Каково взаимодействие знака и значения? Значение знака является идеальным образом в сознании, так как оно устанавливается мышлением в процессе сознательной деятельности индивидов, для которых значения знаков суть элементы их общественного сознания. Значение знака не есть сам материальный предмет, значения знаков – идеальные обра-

зы этих предметов в сознании. В языковых знаках необходимо должна быть материя, язык – материальное творение. В противном случае язык не смог бы выполнять свои функции – познания и коммуникации, ведь человек может сообщить другому нечто лишь посредством материального знака. Человек воспринимает внешний мир лишь через чувственные формы мысли – ощущения, восприятия, представления, которые суть результат превращения энергии внешних раздражений в факт сознания, т.е. в абстрактную форму мысли, в сознание.

Соотнесение языкового знака с предметом в процессе именования устанавливается не непосредственно, а с помощью отражения этого предмета в голове человека в форме идеального образа этого предмета. Тот или иной материальный предмет становится представителем другого предмета, иного по своему содержанию, чем он сам, т.е. становится знаком лишь тогда, когда возникает внутренняя связь между ним и идеальным образом обозначаемого предмета. Не обозначаемый предмет есть значение слова, а умственный, мыслительный, идеальный образ этого предмета. Этот идеальный образ предмета становится его значением, он, во-первых, не существует без своего материального носителя, знака, и, во-вторых, само соотнесение знака с предметом, наименование его возможно лишь посредством идеального образа.

Для того, чтобы знак мог выполнять информационную

и познавательную функции, т.е. не быть просто каким-то материальным объектом, а выражением идеальных образов в сознании, он должен указывать на значение, находящееся в сознании. Но не входит ли значение в языковой знак и не является ли его внутренним свойством? Значение не в нём, ибо знак, его материя только соотносится человеком с идеальным понятием, хранящимся у него в мозгу. Значение возникает в этом соотношении, следовательно, и слово, и его значение лишены органической связи друг с другом.

Каков механизм слияния звука со значением? По психической ассоциации происходит условная, немотивированная связь между звуком (1) и реальным предметом (4), одно вызывает другое (см. «Модель знака»). Но «одно вызывает другое» не может происходить в виде прямой, непосредственной связи между ними (1) – (4), звук *берёза* не имеет ничего общего с деревом *берёза*, между ними нет прямой связи. Но эта связь есть, она в мозгу: звук (1) откладывается в мозгу в виде абстрактного образа, абстрактной идеи (2). То же происходит и с реальным внешним предметом: знак *берёза*, отразившийся в сознании в виде абстрактной идеи этого знака (2) ассоциативно связывается с абстрактным образом (3) этого предмета (4). Следовательно, в сознании откладывается устойчивая ассоциация между знаком (1) и предметом (4), но не непосредственно, а только через их абстрактные образы (2) – (3).

Хотя звуковая материя знака (1) порождается органа-

ми речи, однако ими руководит мышление. Следовательно, и сам звук – порождение мозга через органы речи. Мозг командует органами речи для создания звукового знака, он же генерирует его абстрактное значение, идеальный образ. Звук не может находиться вне сознания, иначе это был бы лишь природный, физический звук, независимый от человека.

Материалистическая диалектика рассматривает внутреннее противоречие в знаке, в слове не как непосредственное взаимодействие между материей и значением (идеальным), поскольку их прямое взаимопроникновение невозможно не в силу их принципиально различного качества, а в силу наличия между материальным и идеальным промежуточного звена в виде идеального образа знака (2) и идеального образа предмета (3). Немыслимо непосредственное и абсолютное слияние материального и идеального в языковом знаке. Надо найти посредствующее звено, благодаря которому противоположности взаимодействуют друг с другом. Необходимо опосредование противоположностей. Промежуточное звено, сочетая в себе свойства противоположностей, обеспечивает их слияние в единство. Полярность противоположностей (звук – предмет) снимается в их тождестве. Поэтому на уровне промежуточных звеньев противопоставление противоположностей исчезает, снимается. Материальное и идеальное, т.е. материя звука и идеальный образ внешнего предмета образуют единство именно потому, что между ними есть связующее звено в виде единства двух

уровней в знаке (2) – (3).

Именно это связующее звено в знаке в виде его двух уровней не позволяет свести язык к математике, о чём так мечтали некоторые учёные. Например, Лейбниц предложил усовершенствование языка: система научных логических, математических, философских, политических понятий должна быть общей для всех наук, универсальной. Лейбниц выдвинул три основных принципа: 1) Отбор наиболее важных и точных понятий, т.е. «алфавит мысли»; 2) Создание простых символов на основе исследования всех существующих типов знаков; 3) Отбор строгих правил, которые суть непротиворечивая система. Например, математика уже имеет такую письменность, непосредственно выражающую мысли. Надо построить независимую от разных языков систему. Тогда можно будет также точно выражать все мысли на естественном языке, как и в математических знаках. Именно это и приведёт к умертвлению естественного языка.

Иногда ошибочно приравнивают семиотический знак к знаку языковому. Но это несравнимые понятия. Никакая знаковая форма не является мыслью сама по себе. Мысль – это интерпретированная человеком знаковая форма, представляющая некоторую связь вещей. Чтобы знак стал мыслью, нужен интерпретатор. Интерпретация знаков, соотнесение их с определёнными объектами – это акт, осуществляющийся в голове человека. Именно этот момент составляет идеальную сторону всякой мысли. Следовательно, без зна-

ков нет и человека. Знак есть знак только потому, что он интерпретируется как знак чего-либо неким интерпретатором, т.е. человеком. Если учесть этот неперемный факт, то окажется, что семиотический знак не есть знак языковой, ибо он не предусматривает интерпретатора. Семиотика игнорирует как раз то, что характеризует подлинно научный подход к изучаемым явлениям, многообразные отношения между ними.

Понятие знака неотделимо от знаковой деятельности. Использование знаков не только направляет человеческую деятельность, но он есть неизбежное звено в этой деятельности, без языка нет и человека. Поэтому язык человека не может быть сравним с языком семиотическим ввиду их функциональных различий. Семиотические знаки не относятся к разряду языка, потому что их знаковая природа не служит целям мышления человека в плане отражения действительности, а соотносена с мышлением только вторично, как способ изображения уже существующего понятийного содержания, добытого средствами человеческого языка.

Лежит ли естественный язык в основе языков искусственных? Некоторые считают, что формулы, математические знаки, рисунки, чертежи имеют вторичное происхождение, существуют на базе языка, т.е. имеют вторичное значение и расшифровываются обычным человеческим языком. Напротив, знаки в других науках тоже полноценные знаки и их действие аналогично языковым знакам. И те, и другие зна-

ки взаимопереводимы. Любое научное творчество базируется на естественном языке. Он – основной язык, как в форме общения, так и в науке. Но естественный язык в то же время работает и в роли метаязыка, так как с его помощью описывается тот же язык математики.

Каково значение знаков в жизни человека? Знаки – всюду вокруг человека. Они вплетены в его жизнь, начиная с процессов построения и функционирования его тела при помощи кода ДНК. Они необходимы человеку всегда, начиная с первого крика ребёнка. Без знаков невозможна производственная, общественная, культурная и личная практическая деятельность. В общественной практике откладываются в голове знания и правила функционирования знаков. Вопрос о семантическом и логическом содержании знаков, хранящихся в голове человека, является частью более общего вопроса о функциях знаков вообще.

Некоторые лингвисты полагают, что понятие языкового знака совершенно чуждо лингвистике и привнесено в неё извне. В языке, взятом «в себе и для себя» понятие знака не является, якобы, необходимым. Лингвистическая значимость знака покрывается «словом» как глобальной единицей: следовательно, слово – не знак. Поэтому понятие знака нужно искать за пределами языкознания, прежде всего в психологии, как психолого-лингвистическая единица, живущая на пересечении системы единиц языка и системы единиц мышления. Именно на этом пересечении и лежит сло-

во. Отсюда следует, что единицы, стоящие ниже слова (звуки, морфемы) и выше слова (предложения) также являются знаками. Однако этот вопрос не поддаётся изучению только в рамках лингвистики, поэтому необходим выход за её пределы. – в частности, в психологию, логику, философию. Данная работа как раз и показала, что проблема знака – также проблема лингвистическая, но она может быть решена только с опорой на диалектический материализм.

§2. Фонема

1) Фонема – фундамент строения и функционирования языка

Образование абстрактных понятий невозможно без глубокого философского понимания явлений мира. Чем глубже познаны вещи, явления, процессы, тем понятнее переход от познания менее глубокого к познанию более глубокому, от явления к сущности предмета. На этой основе здесь строится теория знака и, следовательно, его абстрактной, логической формы, строительного элемента – фонемы, без которой невозможно решение целого ряда лингвистических проблем. Через понимание сущности фонемы понятнее становится отношение отдельного и общего, материального и идеального, теории языкового знака, дихотомия язык – речь и другие проблемы.

Чтобы чётче представить себе роль фонемы в организации и функционировании языка, мы должны вернуться к четырёхуровневой модели языкового знака. Исходным пунктом или материальным субстратом фонемы служит (1) материя звука (чувственное мышление), которая воспринимается слухом как звук, служащий в функции мельчайшей логической единицы (абстрактное мышление), как идеаль-

ный образ этого звука – фонема (2). Звук (1), преобразованный мышлением в его идеальный образ, в фонему (2), связан со значением, с логическим понятием (3) о реальном, внешнем предмете (4), лишь по названию изображаемого, но не отражаемого, этим понятием. Уровень в знаке (2) как идеальная фонемная цепочка замещает идеальный образ (3) того предмета (4), который отображён этой цепочкой фонем. Идеальное в материи знака (2) и идеальное в материи внешнего предмета (3), локализованных в нейронах мозга, есть фонемная цепочка (*д – е – р – е – в – о*). Она представляет и звук (1), и внешний предмет (4). Таким образом, на первом уровне восприятия знака (1) мы его воспринимаем чувственной формой нашего мышления (слышим звук знака, как материальный физический звук), и одновременно, автоматически, бессознательно переводим его на уровень абстрактного, идеального мышления как логическое понятие низшего уровня – в фонему (2).

Фонема – это мельчайшая логическая форма. Отдельная фонема может быть в то же время понятием, т.е. словарным понятием (союзы, предлоги). Но главная функция фонем – построение фонемных цепочек, символизирующих понятия, суждения, умозаключения и другие типы сложных логических построений, которые суть тоже знаки, сложные знаки, сложные иерархические фонемные цепочки, состоящие из более простых знаков. Фонема служит смысловым различительным средством только потому, что она различает

различные понятия, например, среди согласных звуков *дом*, *том*, *сом*, *ком*, *ром*, и гласных звуков *родиться*, *рядиться*. Так как фонемы выполняют смыслоразличительные функции, то это значит, что они выполняют и знаковые функции, а это, в свою очередь, означает, что фонемы, как мельчайшие логические единицы, выполняют логические функции **различения** логических понятий (в составе сложных фонологических цепочек), и логические функции **самостоятельных** понятий (например, некоторые союзы, предлоги, частицы).

Человеческий мозг обладает двумя фундаментальными свойствами: **Первое свойство мозга** – способность к абстракциям. Единицы и их соотношения в языке неоднородны и подвижны. Они в состоянии непрерывного изменения и развития, одни и те же единицы языка реализуются у различных людей в неодинаковых произносительных и графических формах. Сколько людей, столько и произносительных или графических образцов, даже у одного и того же человека всё по-разному. Но в языке есть и постоянства, устойчивые элементы – фонемы. Иначе не было бы языка, не было бы и человека.

Можно сослаться также на пример из политэкономии. К. Маркс показал, что понятие «стоимость» может быть выделено и понято лишь в результате исследования тех отношений между товарами, в которые они вступают при их взаимном обмене, при приравнивании их друг к другу, несмот-

ря на их качественное различие. Он ставит вопрос: что представляет собой то общее, что позволяет устанавливать отношение равенства между двумя качественно разными товарами. Например, обмениваются: 1 центнер пшеницы на x центнеров железа. В двух материально различных вещах существует нечто общее, одна и та же величина. Следовательно, обе эти вещи равны чему-то третьему, которое само по себе не есть ни первое, ни второе из них. Этим общим оказывается стоимость [Маркс. Капитал, 1955, т.1:43], т.е. количество и качество труда, затраченное на изготовление этого продукта.

Так происходит и в языке: одни и те же звуки речи в устах разных говорящих – разный товар. Разные звуки подводятся под одну фонему. Следовательно, фонема – это лингвистическая стоимость, значимость, абстракция. Но эти различные товары-звуки для одного и того же человека имеют общее в виде фонемы как идеальной, логической абстракции материи знаков. Это – та же «стоимость» в области языкознания.

Второе свойство мозга – его способность к комбинациям однородных элементов, она связана с биологическими законами человека. Например, наследственность в биологии – это информация, осуществляемая посредством химического сообщения и его кодов. Это сообщение записано комбинациями всего лишь четырёх химических радикалов (т.е. устойчивая группа атомов в молекуле переходит без изменений

из одного химического соединения в другое). «Четыре элемента повторяются на всём протяжении хромосомной нити множество раз; они бесконечно сочетаются и переставляются, так же как буквы алфавита на протяжении всего текста. Фраза – это сегмент текста, а ген – сегмент нити нуклеиновой кислоты. В обоих случаях символы не имеют смысла, смысл сознаётся только комбинацией символов» [Жакоб Ф., ВЯ, 1992 – №2].

Фонемы, по-отдельности лишённые самостоятельного смысла, приобретают смысл, сочетаясь в комбинациях определённым образом. Это зависит от строгой линейности сообщения. Ограниченное число знаков, а ещё более ограниченное число фонем дают бесконечные их сочетаемости. Этот закон пронизывает всю живую природу, когда возникает необходимость порождения многообразия структур с использованием ограниченного количества строительных блоков: 1) в атомах, созданных из нескольких элементарных частиц, которые сами возникают в результате группировки ещё более элементарных частиц; 2) в построении бесчисленного числа молекул, построенных из атомов. Этот метод является единственно логически возможным методом создания всего безграничья природы. Например, в биологии – на всём протяжении хромосомной нити постоянные элементы повторяются бесконечно, точно так же, как буквы алфавита на протяжении всего текста. Ген – сегмент нити нуклеиновой кислоты, так и фонема – сегмент слова, предложения,

текста. В обоих случаях отдельные символы не имеют смысла, смысл создаётся только их комбинацией. Благодаря фонемам и графемам, как абстракциям мозга, и их материальным основам (звуки, буквы) происходит накопление, хранение и передача информации.

По мере овладения фонологическим анализом, мы получаем образец анализа вообще, пригодного для решения всех теоретических вопросов языковой сущности знака, слова, предложения. Материальный звук не может сам по себе, без его абстрактного образа в виде фонемы, принадлежать языку. Для языка он нечто вторичное, лишь используемый материал. Например, не металл определяет ценность монеты, а её абстрактная меновая стоимость. Так и фонемы: их ценность состоит в способности формировать логические понятия, в различении смысла единиц языка – от низших (морфем) до высших (предложений). Понятие фонемы, как языковой единицы, по своей сути не есть нечто звучащее (это область познания естественных наук), а, напротив, нечто как бы бестелесное, образуемое не своей субстанцией, а исключительно теми различиями, которые отличают его от других понятий. Звук, произнесённый человеческими органами речи – это только физическое (физиологическое) явление, но как элемент фонологической системы языка, как фонема, он – структурная единица языка, и приобретает новые качества, которые превращают его в лингвистическое явление. Звуки не имеют самостоятельного существования, они лишь ору-

дие для фонем и, следовательно, для понятий, для мысли. Все фонемы данного языка находятся в строгих системных отношениях друг с другом, они обретают качество структурности, превращающей звуки в звуковые типы, фонемы имеют определённые функции, они различают звуковую оболочку слов, и тем самым различают значения слов как абстрактные логические понятия.

Фонемы – мельчайшие абстрактные логические формы, общие для всех говорящих на данном языке и воспроизводимые при повторении. В каждом языке – строго определённое количество фонем. Из этого ограниченного набора строится вся фонологическая система языка, способная представить бесконечный процесс мышления. Фонемы похожи на химические элементы, из которых состоят все вещества. Так и конечное число фонем участвует в бесконечном построении логических суждений. Каждый язык довольствуется небольшим количеством звуковых типов или фонем, достаточным для различения звуковых оболочек слов. Каждый язык по своему членит мир звуков на фонемы, каждый язык имеет своё особое «сито», сквозь которое отсеиваются только нужные фонемы – фонемы родного языка.

2) Фонема и мышление

Учение о фонеме как смысловозначительной единицы – «замечательное открытие, которое вошло в железный фонд

науки о языке на вечные времена. Суть этого открытия состоит в том, что, хотя в потоке речи реализуется бесконечное разнообразие звучаний, говорящими осознаются не все различия между звуками, а лишь те, которые служат для различения значения... Иначе говоря – ведущим и организующим началом в фонетике, как и вообще в языке, является семантика. В языке нет другой доминанты, кроме значения – вот истинный смысл учения о фонеме» [Абаев, ВЯ, 1965, №3:29]. А это значит, что фонемы неразличимы без связи с семантикой, т.е. с мышлением, ибо они сами – смысловые различительные единицы. Звуковая цепь сама по себе есть ряд звуков и их сочетаний, где ухо не слышит никаких ясных различий. Но чтобы найти эти делимые отрезки, надо прибегнуть к значениям, увидеть за каждым отрезком – фонемы, понятия, а за всей звуковой цепью – суждения и умозаключения. Последовательность звуков в иностранном языке, которым мы не владеем, мы не различаем, для нас это сплошной шум, звуковая материя, без связи её со значением. Но если мы знаем, какой смысл несёт в себе каждая часть звуковой цепи, тогда для нас эти части тут же становятся самостоятельными отрезками, и первоначально бессодержательная цепь звуков распадается на чёткие отрезки. Но в них нет ничего материального, они – абстракции от звуков, хранящиеся в сознании.

В речи слова следуют в линейной и временной последовательности. Слушатель присовокупляет к услышанному и по-

нятому им новые значимые единицы, накапливается информация, передаваемая партнёру. В речи фонема может редуцироваться, изменяться под влиянием соседней фонемы, или просто выпасть в произношении говорящего. Тем не менее эта фонема будет восстановлена семантически, в значимом слове, а этого требуют следующие за данным словом слова. Фонема, как единица знаковой системы, дифференцируется, различается, распознаётся в результате постоянства своей фонемной структуры. Звуки в составе слова одновременно являются фонемами в составе понятия. Фонема есть самостоятельный, но мельчайший знак, самая низкая логическая форма, обладающая смысловоразличительной функцией. Фонемы – это знаки, так как они выполняют семантические, т.е. логические различительные функции, хотя обычно считается, что фонемы выполняют только различительную функцию, а не знаковую.

Именно в том, что фонемы выполняют различительные функции, они и есть логические, т.е. знаковые единицы. Слова же, образованные фонемами как мельчайшими логическими единицами, сами являются знаками, но более высокого порядка. Знак обладает признаками: а) обозначает нечто внешнее по отношению к нему; б) наделён общественно значимым смысловоразличительным свойством. Таким образом, фонема, отвечая отмеченным выше условиям, но будучи не материальной, а идеальной, логической единицей, тоже знак. Он участвует в построении морфемы, слова, пред-

ложения. Когда фонема входит в сложный знак, то сама по себе есть знак какого-либо смысла, ибо она участвует в его различении и выражении. Здесь она – тоже знак, как и любой другой, и в то же время строительный материал для более сложного знака.

Фонемы участвуют в формировании более высоких логических единиц – понятий, суждений, умозаключений. Но фонема – не только смыслоразличитель, но и строительный материал для более сложных знаков. Фонема сама по себе, будучи структурным элементом в составе сложных знаков, есть один из представителей абстрактных, логических образов (понятий). Если же фонема живёт в виде однобуквенных, однозвучных союзов и предлогов (*а, в, к, у* и др.), то она самостоятельно выражает логическое понятие, в высшей степени абстрактное, отражающее лишь отношения между другими понятиями, представляющими реальные предметы. Если фонема в сложном знаке обладает смыслоразличительным значением, то она тоже знак, обладает логическим значением, т.е. служит конституирующим понятием в составе более сложных знаков.

3) Сущность фонемы – это основной вопрос философии познания: взаимоотношения материального и идеального

Материальные знаки языка не есть сплошная, нерасчле-

нённая масса звуковой субстанции, иначе язык никто бы не понимал, да его и не было бы. Звуковая цепочка как акустическая материя организована по правилам данного языка, руководимых правилами мышления. Ведь в каждом конкретном слове, его звуках, существует возможность их бесконечных реализаций. Человек говорит и понимает, воспринимает эти звуки только в том случае, если они каким-то образом, т.е. по правилам данного языка, оформлены в систему, несут в себе следы упорядочивающей системы идеального, логического. Следовательно, чтобы говорить и понимать собеседника, эти звуки должны быть расчленены, сгруппированы, отождествлены в рамках небольшого числа постоянных, идеальных элементов, как отождествлённых материально идентичных звуков в виде обобщённого образа, самых мелких логических форм – фонем.

Математика, как самая абстрактная из всех наук, вполне реалистична, она отражает реальные вещи, но она отражает не только поверхностные, но и глубинные структуры действительности. Математические конструкции нужно считать только моделями, только идеальными, логическими первообразами, только принципами действительности, а не самой действительностью. Фонема тоже не есть прямая выраженность вещи, не простое её зеркальное отражение, она как бы загадка или некая тайна, которую ещё надо разгадать. Фонема и графема содержат в себе гораздо больше, чем их прообразы – звук и буква, ибо они, эти последние, таковы, ка-

кими мы их слышим или видим только нашим чувственным мышлением. А фонемы и графемы вплетены в ткань сознания как инструменты, или формы абстрактной мысли, мы их воспринимаем нашим абстрактным мышлением. Ведь каждый звук и каждая буква всегда такие, какими мы их слышим или видим в данный момент. А фонема и графема, как их абстрактные формы, антиподы содержат в своей материи все реальные проявления данного звука и данной буквы.

Фонема – психическая фонетическая единица, это психический эквивалент звука. Звук – это произношение, но оно заканчивается, оставляя в мозгу акустико-фонетический след. Фонема – это единое фонетическое представление, психическое слияние впечатлений, полученных от произношения одного и того же звука разными говорящими. Понятие фонемы является единицей абстрактной стороны языка. Она не имеет однозначной артикуляционной и акустической характеристики, какая подразумевается в звуке. Фонема и начинается с утверждения, что акустические различия не означают различия языкового. Фонема – это абстракция от звука. Именно в этом качестве фонема выступает в языке как средство общения. Если бы неизбежное акустическое разнообразие звуков, обусловленное индивидуальными особенностями говорящих, имело бы какое-то языковое значение, общение было бы невозможным, так как каждый говорящий обладает своим собственным набором звуковых единиц. Границы двух видов членения речевого потока на звуки

и на фонемы не совпадают.

Фонология с наибольшей очевидностью ставит перед лингвистами вопросы о природе абстрактного и конкретного и об их взаимодействии в языке. Отношение между звуком и фонемой в теоретическом языкознании было во все времена одной из самых актуальных философских проблем языка. Фонема как знак имеет бесконечное число разных произносительных и графических вариантов, и при этом мы его всё же узнаём как одно и то же. При всех своих звуковых и письменных вариациях он остаётся самим собою, иначе мы бы не могли понимать друг друга. Фонема есть нечто единое и неделимое.

Звуковое сходство или несходство не является критерием для идентификации одной и той же фонемы, и единственно решающим всегда являются критерии лингвистические, они же – логические. Следовательно, это свидетельствует только о подчинённости материального, физического аспекта фонологическому, т.е. логическому аспекту. Но начинается всё с физической материи – с чувственной формы абстрактной мысли, а именно с различия, а не со сходства. Там, где нет физического различия, ни о каком различии фонем не может быть и речи. Но одного физического различия недостаточно для различения фонем, и не оно является решающим, основное в ней – её структурность. Фонема целиком принадлежит к плану идеального – к абстрактному, логическому мышлению.

Бесконечный поток отдельных звуков человеческим слухом неразличим. Человеческий мозг изобрёл фонемы, в которые одел все живые звуки данного языка. Значит человек изобрёл экономические «языковые стоимости» или «языковые значимости», названные фонемами. Без логического понятия фонемы мир не рухнет, но человек вообще бы в нём не появился, человек пребывал бы в своём счастливом образе животного. Без знакового, а это значит, без логического понятия фонемы нет языка, нет мышления, нет человека. Вот та логическая цепь, по которой мы идём, сожалея о «дегуманизации» языка, как пишут некоторые лингвисты.

При определении понятия фонемы лингвисты сталкиваются с самыми сложными теоретическими вопросами, которые с полным правом можно отнести не только к лингвистическим, но главным образом к философским. Неязыковая природа значения выступает уже на уровне фонем, которые формируются как акустические типы в качестве различителей смыслов, идеальных образов в сознании, а не в самом речевом потоке. Хотя фонема и является единицей звуковой стороны языка, её тождество определяется не артикуляторно-акустически, а логически, т.е. тем, что фонема служит для выражения значимых языковых единиц, знаков – морфем, слов, предложений. Поскольку язык – средство общения, постольку всё в языке, в том числе и в первую очередь его наименьшие единицы, фонемы, должны обладать способностью выполнять эту функцию. Этим и определяет-

ся философская сущность фонемы.

Звуковых форм и их конкретных реализаций в языке существует неограниченное количество. Но знаки могут быть инструментом мыслительной и коммуникативной функций, если они сформированы, приведены в систему по законам данного языка (точнее – по законам мышления) и несут в себе идеализированную форму материальных звуков, становятся их некими идеальными образами. Следовательно, бесконечное число звучаний должно быть сгруппировано в систему с конечным числом элементов, что и ведёт к созданию обобщённого звукового образа фонемы, которая, сама не являясь звуком, но его идеальным обобщением, и живёт только в системе, и именно в системе данного языка. Здесь, как и во всём, господствует диалектика – диалектика взаимоотношения материального и идеального, единичного и общего, явления и сущности. Только этим обеспечивается функция языка, т.е. его материальных знаков для реализации человеком его познавательного и коммуникативного мышления. Абстракция звука – это его идеальный, психический, логический образ, фонема, она есть синтез, обобщение существенных признаков в близких по звучанию звуках, отражение общего в физически разнородных, единичных звучаниях. Общее существует в единичном, но и единичное представлено своими существенными признаками в общем – это и есть диалектика перехода от конкретного к абстрактному, и от абстрактного к конкретному. Это взаимоисключающие

и одновременно взаимно обуславливающие и взаимно предполагающие противоположности, которые являются производными от основного диалектического взаимодействия — между материальным и идеальным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.